

[Polaris]

Николай Шебуев

ДЬ ЯВОЛЦА

Чрезвычайно уголовный роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СХ

Salamandra P.V.V.

**Николай
ШЕБУЕВ**

ДЯВОЛИЦА

Чрезвычайно уголовный
роман

Salamandra P.V.V.

Шебуев Н. Г.

Дьяволица: Чрезвычайно уголовный роман. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 140 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХ).

В респектабельные дома Петербурга одна за другой приходят посылки со страшным содержимым – частями расчлененного трупа... Друг за другом адресаты оказываются в тюрьме... Следователи теряются в подозрениях... Роковые страсти, супружеские измены, любовь втроем, кутежи с дамами легкого поведения и авантюрные похождения служат фоном «Дьяволицы».

В новом двухтомнике из серии «Polaris» к читателю возвращаются «чрезвычайно уголовные романы» забытого писателя, поэта и журналиста Н. Г. Шебуева (1874-1937) – одновременно и ехидные пародии, и вполне захватывающее и увлекательное «бульварное чтиво».

© А. Sherman, биогр. очерк, 2015

© Salamandra P.V.V., подг. текста, оформление, 2015

ДЬЯВОЛИЦА

Чрезвычайно уголовный
роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТАЙНА СВИНЦОВОГО ГРОБА

Глава первая

НИ С ТОГО, НИ С СЕГО

Маленький Тосик ураганом ворвался в столовую:

— Мамик! Мамик! Почтальон пришел!.. Посылка! Ящик!..

Это мне игрушки!..

— Нет, мне! — энергично протестовала Вандочка.

— Нет, мне!.. Это от папика!..

— Нет, мне!.. Мамочка, ведь мне?

Радостная, молодая, весенняя Лидия Львовна расписалась в книге почтальона.

— Тише! Не шуметь!.. Это вам обоим!.. Папа вас любит одинаково!.. Мариша, дай косарь!..

Марина принесла кухонный нож:

— Ну-ка дайте, барыня, я вам подсоблю...

— Не беспокойся! Я и без тебя ящик вскрою... Иди на кухню... А не то кашка пригорит.

Марина ушла, хотя ей очень интересно было взглянуть на подарок, который молодой барин прислал барыне и детям. Она служила еще отцу Петра Николаевича и привыкла его называть «молодым барином», а Лидию Львовну «молодой барыней».

Впрочем, они и были молодыми, эта чета Невзоровых. Никто не сказал бы, что у Лидии Львовны есть уже шестилетний сын и четырехлетняя дочь, — такой девственной чеканки линий был ее стан.

Детишки залезли на стол и облепили ящик, а Лидия Львовна, вооружившись косарем, распарывала холстину, в которую был зашит заветный короб. На холстине химическим карандашом четко, по-печатному был выведен адрес.

Содрав обшивку, молодая женщина засунула косарь под верхнюю доску и стала расшатывать гвозди. Доска треснула, гвозди плохо поддавались. Лидия Львовна боялась энергичнее работать ножом, — а вдруг там хрупкое, — разобьешь.

Детей разбирало любопытство и нетерпение, да и ей самой хотелось поскорее увидеть, чем порадует Петя, вероятно, и ее не забыл.

Крышка трещит. Гвозди поддаются. Еще одно усилие и... вот показалась пергаментная бумага... да, толстая пергаментная бумага, в которую обыкновенно завертывают икру, рыбу, провизию.

Так это не игрушки, а что-то съестное... Что за фантазия пришла мужу присылать какое-то мясо...

— Ах, Боже мой!.. Дети, дети, не смотрите!.. Убирайтесь к себе в детскую!.. Ведь это не вам!.. Это не игрушки!..

Бледная, дрожащая, предчувствующая что-то недоброе, вытолкала Лидия Львовна из столовой ничего не понимающих детей. Тосик хотел даже расплакаться, да раздумал.

Оставшись одна, Лидия Львовна судорожно начала было разворачивать бумагу...

— Что он, с ума сошел... Мясо... И несвежее...

Трупный запах ударил в нос, будя непреодолимое отвращение.

— Какой ужас!.. Чье же это мясо?.. Боже... да это не мясо... а... труп...

Не веря глазам своим, она распознала тазовые части мужчины...

— Что это? Сон?.. Кошмар?.. Шутка сумасшедшего... или преступление?.. Пре-сту-пле-ни-е...

Она вздрогнула, словно очнувшись от проклятого сна. Но действительность была ужаснее всякого сна... Нет никакого сомнения... Это кусок трупа...

— Значит, преступление... Но... почему я?.. Ни с того, ни с сего...

Глава вторая

ВОН ИЗ ДОМА!..

Лидия Львовна знала, читала в газетах, что иногда преступники, убив человека, труп его посылают по почте... Но почему этот кусок трупа послан именно ей?

Почему ее хотят впутать в это преступление... Ее, беззащитную женщину... одинокую... без мужа... И неизвестно, когда он вернется из этой проклятой командировки...

— Боже! Что делать!.. Ясно одно: надо сейчас же, немедленно отделаться от кошмарного ящика...

Холодными, дрожащими, спешащими руками запикивает она пергаментную бумагу назад, срывает со стола салфетку и ее тоже туда, в ящик уминает...

Старается заколотить крышку... Где молоток?.. Пробует косарем... Срывается... Еще... Еще... Гвозди не слушаются, кривятся... Марина может войти... Надо к себе в спальню унести, запереться и там хладнокровно заколотить проклятый ящик...

— Что это?.. Кровь!.. Откуда кровь на руках... Неужели сочтется из ящика?..

Нет, нет... Какой ужас! Она о гвозди расцарапала ладонь!.. Ведь это смерть!.. Верная смерть. Отравление трупным ядом... Надо сейчас же вымыть руки одеколоном... Ну да, одеколон все обезвреживает...

Но как же ящик оставить тут... Могут войти... Может Георгий Петрович позвонить... дети...

Лидия Львовна схватила ящик и, плача чуть не навзрыд, понесла его в спальню... Какой он тяжелый... Каким легким казался он, когда она думала, что в нем подарки мужа...

Муж!.. Надо сегодня же ему обо всем написать. Дрожащими, окровавленными руками кое-как, суетливо задела ящик... Кое-как, о, совсем плохо... Так и выносить нельзя... Из него пахнет... Надо еще чем-нибудь завернуть.

Она хватает сегодняшнюю газету. Одну, другую, третью... Схватывает простыню... обернула в нее... Обвязала веревкой...

Вот сейчас все готово... От слабости она чуть не упала... Схватила за стену и не заметила, как на обоях отпечата- ла кровавую руку...

Плачут дети. Тосик обижает Вандочку. Ах, да разве до того? Скорее вымыть руки и — на извозчика, куда-нибудь вон! вон! за город, — там сбросить проклятый ящик и на- зад, назад.

Весь дом опоганила эта дьявольская посылка!.. Тут же мелькнула мысль:

— Дети плачут, потому что не получили подарка... На- до их успокоить, привезу из Гостиного двора игрушек!..

Ей казалось, что не свою кровь, а чью-то чужую смы- вает она с рук и она намылила еще и еще раз. Ей казалось, что в воздухе стоит отвратительный запах преступления и она распахнула форточку и, как после заразы, обрызгала все пульверизатором.

Узнав, что мама уходит, дети с визгом побежали про- щаться. Она не позволила им прикоснуться к себе. Думала:

— Потом, потом... Когда свежий воздух очистит меня... Когда э т о г о не будет...

Она не хотела давать швейцару ящик, боясь, что он уро- нит, разобьет, боясь, что он догадается.

— Барыня, у вас волосы растрепались...

«Вот до чего я дошла, мне Марина делает замечание». Привычным движением, чуть взглянув в зеркало, оправи- ла капризный завиток волос и на лифт, скорей на лифт.

Облегченно вздохнула: «Все-таки из квартиры вынесе- но»...

Но откуда такой безотчетный страх! Что случилось? Ни- чего особенного... Нет, именно особенное, очень особенное, чересчур особенное... Надо бы немедленно дать знать по- лиции...

Мысль о полиции у нее явилась только на извозчике.

Глава третья

РОКОВОЙ ИЗВОЗЧИК

— Куда прикажете?

— Ах, да... Я не сказала еще, куда ехать...

И машинально ответила:

— В Гостиный двор...

Ящик ей положили в ноги. Через ботинки и ботики ее ножки чувствовали холодное, мертвящее прикосновение трупа. Ей хотелось кричать, ей хотелось отшвырнуть ногой этот проклятый груз, ей хотелось самой выпрыгнуть из саней и побежать назад, домой к Тосе, к Вандочке, к Марине, которая как-то странно на нее поглядела, когда провожала к умывальнику, где она могла бы еще и еще мыть руки, оскверненные прикосновением к трупу, обгаренные кровью...

Извозчик поравнялся с телеграфом.

— Стой! Я пошлю телеграмму мужу...

Зачем извозчику надо знать, кому она пошлет телеграмму? Она просто вслух произнесла свою мысль.

На телеграфе двадцать раз рвала голубенькие листочки телеграмм. Разорвет и скомкает, все недовольная редакцией. Наконец, кажется, хорошо:

«Приезжай немедленно, страшное несчастье. Лида».

Послала телеграмму, а сама медлит выходить. Боится. Противно вернуться опять к этому ящику.

Покупает десяток почтовых марок. Разговаривает с телеграфисткой. Но той некогда...

Собравшись с силами, выходит Лидия Львовна на улицу, ищет глазами извозчика.

— Барыня, куда прикажете?

— А где же ящик?

— Какой ящик?

— Да я с тобой приехала?

— Никак нет...

— А где же мой извозчик?

— Эгэ, барыня... он, видно, лататы задал... Да что у тебя в ящике-то было?

Ноги подкосились, язык не слушается.

— Да ты не бойся. Заяви полиции!.. Полиция найдет... Ты только Расскажи ей, что у тебя в ящике...

— Да что тебе за дело, что в ящике... Игрушки для детей... — первый раз в жизни Лидия Львовна соврала так гениально просто.

И вдруг ей стало весело. Вдруг словно гора с плеч свалилась. Извозчик, услышав, что ящике игрушки, расхохотался.

— Ну, коли игрушки, так и полиции заявлять нечего!

Лидия Львовна улыбалась и радостно думала:

— Боже! Благодарю тебя за то, что не допустил меня до греха...

Да, да, она замыслила большой грех: хотела в Гостином сойти с извозчика, незаметно выйти другим ходом, сесть на другого извозчика, а этого с проклятым ящиком оставить на произвол судьбы.

Провидение сделало так, что сам извозчик, увидав, как барыня замешкалась на телеграфе, прельстился ящиком и удрал.

Лидия Львовна почувствовала себя помолодевшей лет на десять. И, вспомнив о муже, вернулась на телеграф.

— Барышня, ушла ли моя телеграмма?

Барышня с недоумением смотрит на хорошенькую, но назойливую посетительницу:

— Конечно, ушла!

— Как жаль! Придется писать другую.

И она послала мужу вторую телеграмму:

«Пошутила. Успокойся. Оставайся. Все благополучно. Целую, люблю. Лида».

Ну теперь надо ехать в Гостиный двор купить игрушек для деток и домой-домой.

Глава четвертая

ТЯЖЕЛЫЙ ДУХ

Тосик устроил себе что-то вроде колпака из куска холстины, в которую был зашит ящик, надел колпак на голову и в таком виде бросился на звонок встречать маму.

Лидия Львовна едва не упала в обморок от неожиданности, когда увидала сынишку в этом головном уборе.

Не раздеваясь, она сорвала колпак, бросила его в топящийся камин; от сургуча пошел по комнатам тяжелый дух.

— Барыня, — звонил Георгий Петрович. — Насчет театра.

— Ах, да... Я обещала ему позвонить в четыре... Сегодня в оперетку... — вспомнила Лидия Львовна. — Ну что же... я очень рада.

Бежит к телефону, надо же забыться, развлечься. Хоть Георгий Петрович и надоел ей своими ухаживаниями, но сегодня она рада и ему.

«Какой странный Пьер, — он и не подозревает, что Георгий Петрович влюблен в меня, иначе разве поручил бы в свое отсутствие заботы о жене этому своему другу».

Иногда Лидии Львовне кажется, что Теремовский вовсе и не друг мужу, иногда кажется, что он ему даже недруг; был раньше другом, пока не стал ревновать Пьера к его Лидочке.

Но такой уж Пьер по натуре: доверчивый и милый, большой, ясноглазый ребенок.

За последние дни Лидия Львовна стала даже побаиваться ежедневных тет-а-тетов с Теремовским, но сегодня он нужен, важен, необходим. И вот она ему телефонирует:

— Конечно, вы заедете за мной к семи. Мы выпьем чаю и — в театр.

— О, я в восторге. Если бы вы знали, как я мучился, ожидая вашего звонка в четыре часа. Я ждал до пяти и, наконец, не вытерпел, позвонил сам. Слышу — вас нет дома.

Сознайтесь, вы совсем забыли о своем обещании.

— Меня задержали очень важные дела! — голос Лидии Львовны дрогнул, неприятное воспоминание кольнуло ее.

— Знаю я ваши дела... Гостиный двор?

— Да, Гостиный двор. Я ездила покупать детям игрушки! — Лидия Львовна оправилась от смущения и они с четверть часа проболтали с Теремовским о пустяках.

Дети так увлеклись привезенными мамой, но выданными за папины игрушками, что с трудом их к обеду дозволялись. А после обеда, около шести, новая радость: пришел посыльный и подал им ящик.

Лидия Львовна сначала в страхе не хотела была принимать, но услышав, что это из игрушечного магазина, поняла, что Георгий Петрович захотел ей сделать приятное.

— Он умеет быть милым!

Его игрушки оказались вдвое лучше тех, которые купила она. Дети визжали от восторга. Лидия Львовна радостно улыбалась. Счастье на час посетило этот дом.

Только на один час.

Около семи пришел Георгий Петрович.

Как всегда элегантный, несколько томный, чуть-чуть сентиментальный, чуть-чуть наглый.

— Чем это у вас пахнет? Я с детства люблю запах сургуча. Мой отец был нотариусом...

Глава пятая

МЕРТВАЯ НОГА

— Я сжигала конверты... На одном была печать... — каким-то не своим голосом ответила Лидия Львовна. — Ну, вы тут почитайте газету, а я мигом оденусь.

— Я захватил «Вечернюю газету»... Тут, кстати, какая-то сенсация... Почтенный коммерсант Абель получает по поч-

те посылку... Вскрывает ящик... И, что бы вы думали, находит в нем?

— Труп! — похолодевшим голосом вскрикнула Лидия Львовна.

— Мертвую правую руку!.. Вы поймете ужас почтенного отца семейства... И ведь никто не застрахован от подобных сюрпризов.. Но что с вами... Вы бледны, как полотно?

— Ничего, ничего... Продолжайте... Ну, что же сделал Абель?

— Единственное, что мог и что сделал бы на его месте каждый: подошел к телефону и дал знать обо всем этом полиции.

— А если бы он не сделал этого? Если бы он собственными средствами попытался избавиться от ящика...

— Он рисковал бы впутаться в грязную и неприятную историю, которая грозила бы...

— Чем грозила бы? — с небывалым оживлением подхватила Лидия Львовна.

— Тюрьмой за недонесение или укрывательство... Вы читали процесс Мацоха... Там Пьянко приговорен к тюрьме...

— Кто такой Пьянко?

— Извозчик!*

— Извозчик?! Значит, моему извозчику грозит тюрьма!..

— Что это значит? О каком извозчике вы говорите?

* Дамазий Мацох – монах Ченстоховского Ясногорского монастыря в Польше; в 1910 г. убил мужа своей любовницы Елены (собственного двоюродного брата). Для содержания Елены систематически похищал монастырские деньги и драгоценные камни с окладов икон; подозревался в ограблении иконы Ченстоховской Божией матери, произошедшем в 1909 г. Дело было раскрыто благодаря извозчику, который в пьяном виде проболтался, что помогал монахам перевозить кушетку с трупом убитого внутри, которая позднее была обнаружена в реке. После громкого судебного разбирательства Мацох был приговорен в 1912 г. к двенадцати годам каторги (*Здесь и далее прим. изд.*).

— Это я так... Если бы Абель, вместо того, чтобы донести полиции, взял бы ящик с собой, повез по городу, сам незаметно скрылся бы в проходном дворе, а ящик с трупом остался бы на извозчике...

— Со стороны Абеля это было бы подлостью. Он подвел бы извозчика...

— Подлостью! Вы говорите, подлостью!.. Ха-ха-ха...

И вдруг с Лидией Львовной началась такая истерика, что Георгий Петрович даже растерялся.

Она смеялась и плакала и сквозь всхлипывания повторяла слово «подлость».

Георгий Петрович поднял ее, как беспомощного ребенка, на руках отнес в спальню, нежно, бережно уложил в кровать, осторожно расстегнул кофточку и едва удержался, что бы не поцеловать это милое, впавшее в забытие личико.

Она заснула. Не надо ее тревожить. Любуясь ею, он тихонько отошел от кровати. Хотел убавить свет. Искал глазами на стене штепсель.

И вдруг увидел на обоях кровавый отпечаток правой руки.

Привыкший видеть всякие неожиданности адвокат на минуту остолбенел и впился глазами в зловещее пятно.

Что-то недоброе почуялось ему и в странном тоне голоса Лидии Львовны, и в ее чересчур аффектированных вопросах о правой руке, и в ее обмолвках об извозчике, и в этой истерике и в этом кровавом оттиске.

Глава шестая

КОШМАР ДОГАДОК

Между посылкой Абеля и этой кровавой пятерней без сомнения есть какая-то роковая связь.

«Преступление! Но разве в этой мирной буржуазной обстановке мыслима даже тень преступления... Тем более тень убийства. Убийства! Но откуда же эта кровь?!..»

Вдруг кто-то сильно, резко схватил его за руку.

Повернулся и остолбенел: Лидия, страшная, с расширенными зрачками, вскочив с постели, впилась взглядом в эту же кровавую руку, горящую на стене. Она не замечала, что рубашка сползла с ее плечика, что расстегнутое платье обнажало грудь и шею.

Оба застыли в гробовом молчании.

— Лидия Львовна, успокойтесь... Ложитесь назад... Вы на себя не похожи...

— Клянись, что вы ничего не видали!..

— Успокойтесь, голубушка... Не делайте драмы из пустяка...

— Клянись, что вы никому никогда не расскажете об этом...

— Ну, конечно, клянусь!.. Петру Николаевичу и тому ничего не открою...

— Клянись всем, что есть для вас самого святого...

— Ну, клянусь...

— Чем клянетесь?

— Моей любовью к вам... Для меня нет ничего святее!..

— Ну, теперь оставьте меня на несколько минут одну...

Вы видите, я совсем растерзана...

— Вас оставить! Ни за что!..

— Крикнете Марину!

— Она укладывает детей... Я не советовал бы вам показываться ей и детям в таком виде. Это встревожит их... И вообще... роковая тайна связывает только нас вдвоем...

— Какая тайна!

— Тайна кровавой руки... страшной посылки... извозчика...

— Молчите! Молчите! Неужели я в бреду проговорила обо всем!..

— В бреду вы не проронили ни слова... Но я догадался обо всем... Клянусь вам, что я не пожалею жизни, чтобы вас спасти! — Теремовский не отдавал себе отчета в том,

что говорил, он видел одно: случилось какое-то несчастье, быть может, даже преступление, виновник которого, вероятно, Петр Николаевич.

А Лидия истерически сжимала ему руки и шептала:

— Спасите! Спасите! Увезите меня отсюда! Я чувствую, что схожу с ума.

Целуя ее влажные от слез глаза, Теремовский помогал ей одеваться:

— Едем! Нам надо отсюда уехать! Пусть воздух освежит вас!..

Глава седьмая

В ОТДЕЛЬНОМ КАБИНЕТЕ

И они поехали кататься. В театр было уже слишком поздно.

И вот в первый раз за свою жизнь Лидия Львовна очутилась в отдельном кабинете ресторана не с мужем.

— Ах, все равно когда, где, с кем, только бы забыться! — решила Лидия и с несвойственной ей поспешностью согласилась на ужин с шампанским.

Теремовский был в восторге от поездки: «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло», но все время задумывался и искал удобного момента расспросить Лидию откровенно о всех деталях этого несчастья;

Он догадывался. Но так смутно. А ведь, быть может, дело серьезное и требующее немедленных мер предосторожности!

«Какая досада, что мы не смыли это проклятое пятно в спальне», мелькнуло у него в уме. Но вслух он не решился сказать этого, боясь напомнить Лидии о пережитом там.

И вообще он не осмелился расспросить ее ни о чем, боясь, что пропадет ее прелестное, полное смеха и задора,

расположение духа.

Он только заметно и незаметно подливал ей в бокал шампанского, а в рюмочку ее любимый ликер «Банан де Мартиник».

— Я сегодня буду толстовкой!..

— Я вас не понимаю...

— Ну да... Муж иногда ко мне подходит и говорит: ты сегодня должна быть толстовкой..

— То есть?..

— То есть... непротивленкой...

— Вы сегодня обещаете не противиться злу...

— Да! Торжественно обещаюсь!..

— Но где вы видите зло!.. Неужели это искрящееся шампанское — зло, или этот кристалически-прозрачный ликер — зло?... Или вы думаете, что я — зло?...

— Нет... Вы добрый... Вы милый... Я раньше думала, что вы злой... Мне всегда казалось, что когда вы на меня смотрите, вы меня... раздеваете... И я все боялась, что вы начнете меня целовать...

Вино затуманило голову Лидии. Ей было жарко и она несколько раз оттягивала рукой воротник.

— Как душно...

— Ну вот... если я добрый, то меня конфузиться нечего... Позвольте, я вам расстегну воротник.. Вам будет легче... Действительно, жарко... У меня тоже лицо горит...

И, не ожидая ответа, Теремовский начал расстегивать и расшнуровывать платье.

— Ну какой же вы нахал!.. Нахал и милый... Ненахальный нахал... Ну... дальше нельзя... Этого не смейте... Вот шалун...

— Молчите, непротивленка!

И все смелее и увереннее делались движения его руки. Все больше и больше крючков и кнопок сумел он победить...

Вот спустился лиф и дурманный аромат женского тела охватил его.

Не в силах совладать с собой, он прильнул поцелуем к ее губам, плечам, шее, груди... Она нежилась, как Даная,

под золотым дождем поцелуев, она жмурилась, как котенок, она вздрагивала, как Мимоза, чутко и сладострастно, болезненно сладострастно, как молодая женщина, только что пережившая истерику...

.

Глава восьмая

НЕЖДАННЫЕ ГОСТИ

На рассвете, около четырех, на лихаче подкатила Лидия Львовна к крыльцу. Дорогой она заснула на плече Теремовского.

Обыкновенно дозвониться к швейцару в такой час было целым событием. А сегодня он, не ожидая звонка, распахнул дверь.

Лидии Львовне не показалось это странным. Она была еще под парами шампанского и поцелуев.

Швейцар заметил, что с барыней неладно и, входя с нею в кабинку лифта, почувствовал запах вина.

Он хотел ей что-то сказать, предупредить о чем-то важном. Но раздумал.

У парадной двери ей не пришлось ждать. Не пришлось даже звонить. Дверь сама распахнулась.

Лидию Львовну ждали с нетерпением. В передней она нашла несколько незнакомых субъектов.

— Что такое? В чем дело? К себе ли я попала?

Навстречу ей шел полицейский офицер:

— Извините, сударыня. Я имею предписание произвести у вас обыск... Вот эти лица — понятые. А вот этот извозчик... Не признаете ли, вы, сударыня, этого извозчика?..

Она взглянула на стоящего в углу мужика, и опьянение мигом соскочило.

История всего этого страшного дня пронеслась перед ее глазами, она как-то вдруг поняла все и отдала себе отчет во всем зараз.

И особенно хлестнуло ей по лицу сознание, что вот она, Лидия Невзорова, урожденная Хомутова, в четыре часа ночи возвращается домой из ресторана, пьяная, растерзанная, опоганенная, со своим любовником... Да, с любовником!.. Она отдалась ему, сама навязалась, пьяная развратница... Она изменила... и кому? Милому, нежному, доверчивому, как ребенок, идеальному Пете...

— Возьмите меня! Возьмите меня! Арестуйте же меня! Я — преступница! Я — подлая женщина! Я убила мужа!.. Я не имею права смотреть на своих детей!.. — она кричала и рвала на себе платье.

Она упала на пол и билась в судороге. Офицер насильно заставлял ее выпить холодной воды.

Ее зубы выбивали дробь о краешек стакана.

После нервного подъема наступила реакция, в безразличной, сонной, пьяной апатии сидела она у стола, смотря невидящими глазами на то, как хозяйничают в ее квартире.

Глава девятая

УЛИКИ НАЛИЦО

Ей показали салфетку, смятую и выпачканную в чем-то желто-коричневом.

— Признаете ли вы эту салфетку вашей?

— Признаю.

— Признаете ли вы эту простыню?

— Да, это мои метки.

— Как вы объясните происхождение кровавого отпечатка руки на стене в спальне?

— Да, это моя рука!..

Она, не слыша, прослушала протокол осмотра и машинально подписала акт.

Не придавала никакого значения полусшепоту офицера с помощником.

— А его задержали?

— Точно так. Оказался по паспорту присяжным поверенным.

— Задержите до меня.

— Шибко ругается. Не в своем виде.

Покончив со всеми формальностями, офицер обратился к Лидии Львовне:

— Не пожелаете ли проститься, сударыня, с детьми? Я имею предписание вас арестовать!

— Дети! Где дети!.. Я не мать им... Я больше не мать! Я убила мужа... Я убила детей!..

Офицер не понимал, спяна или со страха заговаривается женщина и пожал плечами.

— Подайте барыне одеться!

Еще никогда ему не приходилось слышать такой вой и такое голошение, каким разразилась Марина:

— На кого ты нас покидаешь! Барыня родненькая! Что без тебя барин молодой будет делать... Как дитя он малое, неразумное... Ой, горюшко, горюшко!..

Проснулись дети и заплакали.

Лидия не выдержала, бросилась в детскую и упала на колени и, ползая от кровати к кровати, то покрывала поцелуями ножки Тосика, то ножки Вандочки.

Даже офицер не решался прервать грубым окликом эту душераздирающую сцену.

Глава десятая

РОКОВАЯ ВСТРЕЧА

Так легко дышится в Варшаве. В Петербурге еще зима: Петр Николаевич чуть-чуть не отморозил себе нос, накануне отъезда шныряя на Невском.

«Придется купить полусезонное пальто, ведь дела задержат недели на три.

Какой дивный город. В нем много от Парижа. Да и сами поляки сильно смахивают на французов.

Европейцы, настоящие европейцы, нам бы такую культуру!

Надо будет разыскать Топилина, он покажет город. И вообще не будет с ним скучно; не такой он парень, чтобы скучать.

Как его по отчеству? В гимназии звали Васькой. Ну да и так отыскать можно.

Василий Топилин... Журналист».

Тем лучше. Петр Николаевич никогда не соприкасался с бытом газетчиков. Вероятно, интересные люди.

По телефону ответили...

«...В редакции он бывает от шести... С восьми по театрам... Вы оставьте свой телефон... Приезжай... Как? Невзоров!.. Это ты,, Петька!.. Черт возьми, неужели не узнал моего голоса! Впрочем, я его здорово изменил. Знаешь, дружище, я тебя за кредитора принял. Презираю эту нацию! Кстати, нельзя ли у тебя перехватить четвертную до субботы? Жена съест, если я приду без денег... Да, брат, женился... Скоропостижно женился... жена будет рада познакомиться с тобой... Я ей много про тебя рассказывал... И про то, как мы Немцу под подушку мерзлого судака положили... Врешь... Неужто забыл?.. Да,, конечно, и ты тут был... Разве не был? Шли мы по Сенной в пять утра. Ночь всю подрызгали, намокли дьявольски... В башке трещит... Ну вот, ты видишь, продает рыбник мерзлого судака... Ты сду-

ру и спяна купил... Потом пошли к Немцу, — к экзамену готовиться... Пришли, а Немец спит... Ты ему мерзлого судака незаметно под подушку засовал, а сам лататы... Проснулся Немец от страшного холода, мокроты и вони... Судак-то гнилым оказался... Оттаял, ха-ха-ха... и стал вонять! Немец после этого три недели со мной не разговаривал...»

Тщетно Петр Николаевич пытался прервать словоохотливого товарища и сказать, что ни в какой истории с судаком он не принимал участия, никакого Немца не знает и поэтому возмущен, зачем жене своей рекомендовал его с такой скверной, хулиганской стороны. Топилин не унимался:

— Рассказал ей и про гувернантку... Ведь это гениально!.. Всыпал на ночь ей в вазу незаметно соды и кислоты... Воображаю, какой она ночью гвалт подняла!.. Весь дом разбудила!.. Ха-ха-ха... Надо иметь такую изобретательную башку, как твоя... Рассказал ей и про твою Маньку-Ковбойку... А ведь ты, сознайся, дурака разыгрывал... Ты ей снимал квартиру, а жило с ней чуть не полкласса... Я сам разочек живнул... Ей-Богу, удрал от экстемпоралэ, домой возвращаться рано, отец догадается... Я к ней, она одна. Ну и живнул... Хорошие, брат, были времена! Наша гимназия славилась «ковбоями»... И теперь ничего себе, жить можно... Жена у меня покладистая... Хороший друг и как женщина... местами недурна... Но ревнучая, как дьявол. А я все по-прежнему... Я не могу так: разрешил половую проблему и успокоился... Жизнь должна быть задачником, целым задачником половых проблем... Ну, приезжай немедленно в редакцию. Я тебя жду... Надо бы на открытие съезда агрономов заехать... Да наплевать... По телефону справлюсь...

Глава одиннадцатая

ХЛЕСТАКОВ В РЕДАКЦИИ

Топилина в гимназии еще прозвали Хлестаковым. Но все любили его за живость характера и неистощимую изобретательность в темах: он казался фокусником, который вытягивает у себя изо рта бесконечную ленту.

Петр Николаевич обрадовался встрече несказанно. У него было желание потряхнуть стариной. Слишком он уже прокис, слишком «засиделся в мужьях».

Он любил свою Лиду, но цепи любви, самые легкие из цепей, иногда кажутся самыми тяжелыми.

Иногда хочется сорвать белый крахмальный воротничок, потому что он кажется слишком тяжелым, надоевшим, раздражающим.

Невзорову за последнее время стыдно делалось, когда жена, перечисляя донжуанства знакомых, ставила своего мужа в пример.

— Я — пример! Я — пропись! Я — добродетельная слякоть!.. Я проспал у юбки жены даже годы всеобщего, равного и явного увлечения «Саниным» и половыми проблемами... * Даже дети и те спешили жить и умели жить... А я...

Добродетель! Добродетель!..
Мне она осточертела, —
Этот вечный пост великий,
Для души, ума и тела...

«Действительно, самые приятные воспоминания жизни, пожалуй, гимназические... Манька-Ковбойка... Где ты теперь?.. Как отрадно бывало удирать от трудных и скучных

* «Санин» (1907) — самый известный роман М. П. Арцыбашева (1878-1927), названный по имени нищепанского главного героя, проповедующего поиск чувственных наслаждений.

гимназических уроков в твой милый уют... Дома уверены, что я в гимназии... В гимназии уверены, что я дома. А я вместо скучной грамматики мертвого языка слушаю живой, слишком живой язык Ковбойки...»

В пять часов в редакции уже людно. За десять лет Топилин сильно изменился: вырос, потолстел, что, впрочем, его не стесняло: юрким он остался по-прежнему.

— Ну, что, брат, постарел я?

— Вид у тебя... женатый...

— *Pater familias** стал. Двое ребят. Первого жена зовет «дитя любопытства», второго — «дитя недоразумения»...

— У меня тоже двое... — Петр Николаевич не без удовольствия вспомнил мордашку Тосика и личико Маринки и подумал: «только это не дети недоразумения, а дети любви...»

— Наш редактор... Иван Иванович.. А это мой друг детства, Петр Николаевич! Невзоров... Не дурак выпить...

— Откуда ты это взял! Я не курю, не пью не ухаживаю за чужими женами...

— Ну, это брат, свинство! За моей женой ты обязан ухаживать... У меня сегодня тет-а-тетная randevushka с женщиной, у которой ты пальчики оближешь... А тебя с женой устрою на оперетку... Я, брат, не ревнюю... Даже люблю, если за ней кто-нибудь ухлестывает... По крайней мере, она меня в покое оставляет... С Тинкой я тебя тоже познакомлю. Но, если ты вздумаешь ухаживать за ней, я тебе... Ах, да... Я и забыл... Иван Иванович, вот, полюбуйтесь... верх джентльменства... Человек вспомнил, что я на гимназической скамье выиграл у него пятьдесят рублей и вот — отдает...

Очкастенький, вихрастенький, рыжеватенький субъект поощрительно хихикнул и скрылся.

— Разве я тебе был должен? — изумился Петр Николаевич.

— Это я так... Для красоты слога... Ну, едем...

* Отец семейства (лат.).

Петру Николаевичу не очень понравилась манера, с какой Топилин, при первом же свидании, у него занял. Не было жаль денег. А жаль было, что они даны: Петр Николаевич знал превосходно, что лучший способ рассориться с любимым приятелем, это дать ему взаймы.

— Если ты говоришь, что мне необходимо сегодня быть в театре, я должен заехать домой переодеться!

— Успеешь. Ты где остановился? Эх я, телятина! Еще спрашиваю! Да ты обязан остановиться у нас! Я пошлю Митьку за твоими чемоданами! И разговаривать нечего, если ты будешь упрямиться, я тебя...

— Не беспокойся, друг, я очень доволен гостиницей, где живу уже три дня... Не к чему поднимать возню, переезд, беспокойство для тебя и для твоей супруги.

— Да жена в восторге будет! Ведь она целыми днями одна! Она за тебя ухватится обеими руками...

— Нет, нет... Ни за что!..

— Ну, это уже не твое дело. Ты у нас гость. Неужели ты боишься, что мы тебя устроим хуже, чем в паршивой гостинице...

Глава двенадцатая

МЕРТВАЯ ХВАТКА

Марье Александровне Топилиной всего 23 года. Но кажется, она еще моложе. Совсем подросток. Особенно, когда она смеется.

Она сразу облила Невзорова весенними лучами своих искрящихся беспокойных глазенок:

— Я на вас не сержусь. Я вас уже простила. Будем друзьями.

— Да разве у вас есть повод быть недовольной мною?

— А в прошлом году... Разве не вы втянули Васю в эту историю... Недаром вам стыдно было показываться мне на глаза!

— Это какое-то недоразумение! — воскликнул Невзоров и хотел прибавить: «в Варшаве я в первый раз и с Василием не виделся лет десять!» но, заметив, что приятель делает ему какие-то умоляющие знаки, понял, что тут какая-то тайна Топилина и замолчал.

А журналист уже волновался, суетился, хлопотал по телефону. Вещей Невзорову не отдают, пусть сам приедет за ними.

Кроме того, по телефону же передают, что в номере его ожидает телеграмма из Петербурга.

— Сейчас еду!

Но вырваться удалось с большим трудом. Мария Александровна взяла с него слово, несмотря ни на какие телеграммы, проводить ее в театр.

Она так многозначительно повторяла: «Не расклетесь!» Она так была очаровательна, что Невзоров дал слово не читать телеграммы.

— Телеграмма, конечно, деловая... из правления.

Глава тринадцатая

ЧЕТЫРЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Но когда в номере он взял депешу в руки, сердце почему-то подозрительно сжалось. Он нервно разорвал. Пробежал глазами:

«Приезжай немедленно. Страшное несчастье. Лида».

— Что такое? Дети?..

Телеграмма выпала из рук. Вдруг — стук в дверь.

Опять телеграмма.

Он вырывает ее из рук телеграфиста.

«Пошутила. Успокойся. Оставайся...»

Краска гнева залила лицо.

— Так шутить!.. Невероятно глупо, жестоко, возмутительно!.. Нет, это не походит на Лидию!.. Что-нибудь стряслось... Только она хочет скрыть от меня... Если что-нибудь серьезное, Теремовский немедленно даст знать... Он друг и любит Лиду... А вдруг ему самому невыгодно... А вдруг, если... если несчастье от него, если он сам виновник несчастья...

И нелепая, скверная мысль резнула:

— Теремовский мог воспользоваться беспомощностью Лидии и... вот они вдвоем теперь скрывают результаты! Ужас! Горе! Позор!..

— Нет, этого не может быть, — и он расхохотался. — На глупую шутку отвечу глупой шуткой.

«Выехал скорым. Завтра буду».

Позвонил, отдал коридорному послать телеграмму.

— Вот будет волноваться, что я бросил все дела, покатил... И обрадуется и взволнуется... И Теремовский тоже...

А через пять минут написал новую телеграмму: «Пошутил. Остаюсь. Целую Лиду, Теремовского».

Позвонил, спросил коридорного:

— Послана первая телеграмма?

— Только что посыльный ушел.

— Ну вот, теперь пошлите еще.

А сам стал переодеваться для театра. Оперетка с участием Топилиной очень занимала его. Черненькие глазки хорошенькой дамочки-подростка так сулящи, так заманчивы.

С легким сердцем заехал к парикмахеру, в кондитерскую за конфетами, не подозревая, что с его телеграммами вышел маленький, но пренеприятный случай.

Первый посыльный встретил по дороге на телеграф куму и проболтал с ней с полчаса. Второй же посыльный кумы не встретил. И поэтому вторая телеграмма пошла в Петербург на полчаса раньше первой.

Не подозревал он и того, что второпях написал вторую телеграмму очень неразборчиво и телеграфистка передала «Лиду Теремовскую», вместо «Лиду, Теремовского».

Не подозревал он и того, что обе эти телеграммы были перехвачены полицией и в руки арестованной Лидии Львовны не попали.

А через час вдвоем в ложе с этой очаровательно-глупенькой, восхитительно-хорошенькой, возмутительно-молоденькой, пахнувшей какими-то сильными, одуряющими, совсем не модными, вероятно дешевыми, духами (разве Ванька подарит дорогие?) он забыл о Лиде, о детях, о Теремовском, о правлении, обо всем в мире. Он видел милое обнаженное плечико с чуть заметной ямочкой, с чуть заметной улыбочкой, скользящей по краям этой ямочки.

Вальсы оперетки сплетались, расплетались, плакали, смеялись... и ему было так хорошо, хорошо...

Глава четырнадцатая

МЕРТВАЯ НОГА

Иван Петрович Ландезен только что прочитал в газетах об аресте жены инженера Невзоровой и ее сообщника прис. пов. Теремовского. Поэтому он не особенно удивился, получив подозрительного вида посылку.

Собственно говоря, во внешности ее ничего подозрительного не было. Подозрительно было лишь то, что он лично, на свое имя, никаких посылок не ждал.

Все торговые посылки он получал на имя «Торгового дома Ландезен и Ландезен».

Предчувствуя недоброе, Иван Петрович позвонил горничную, не велел к себе пускать решительно никого, запер кабинет на ключ и осторожно начал распечатывать.

Обшивка из холста с четко выведенным печатными буквами адресом указывала, что посылка отправлена с одной из станций приваршавских.

— Каким же это образом? Сама убийца здесь, в Питере. Она призналась в убийстве мужа. Любовник ее тоже арестован. Кто же послал эту... бррр... мертвую ногу из Варшавы?.. Значит, у Невзоровой был еще сообщник!.. Значит, он бежал в Варшаву, затем за границу и оттуда, по пути, чтобы замести следы, рассылает части трупа!.. А может быть, Невзорова убила не сама, а поручила убить мужа, когда он уехал в Варшаву... Да, несомненно, муж убит в Варшаве другим любовником этой предприимчивой дамы... Но откуда же тогда отпечаток кровавой руки в ее спальне на обоях?.. Ведь вот он уже снят и воспроизведен в газете... Ничего не понимаю!.. Откуда они взяли мой адрес?.. Теремовский... фамилия знакомая... я, кажется, встречался с ним в клубе... Во всяком случае, послано не без его ведома... Донести полиции!.. Но это значит втюриться в канительную историю... Будут таскать по следователям, по судам... Нет уж, благодарю покорно... В газеты попадешь... Станут трепать имя... бррр... Ясно одно, необходимо немедленно незаметно сплавить ящик, отпихнуть от себя... Хладнокровие, хладнокровие!.. Надо серьезно обдумать, кому и как послать... Куда?..

Первая мысль была отослать Ратнеру, жесточайшему конкуренту «Торгового дома Ландезен и Ландезен».

Но не сыграет ли Иван Петрович тем самым в руку молодой фирме Ратнера? Как-никак, а ведь реклама получится колоссальная: весь мир из газет завтра узнает, что существует на свете фирма «Яков Ратнер и К°».

А теперь кто о нем знает?

Другое дело, если поступить умненько и впутать Ратнера в это грязное дело. Послать так, чтобы его немедленно арестовали.

Гениальная мысль осенила его.

«Ведь Теремовский, кажется, юрисконсульт Ратнеров! Ну да. В клубе говорили даже, что он в приятных отношениях с мадам Ратнер. Если ей адресовать лично... И вложить записку. Только два загадочных слова: "Спаси. Прости". На-

печатать можно на машинке. Никто не узнает, кто писал... Все будут думать на Теремовского... Какой удар для Ратнера! Ведь он не догадывается, что его жена путается с адвокатом! Какой удар для мадам Ратнер! Ведь она не знает, что Теремовский любовник Невзоровой, этой женщины-убийцы!

Какая каша заварится! Какой скандал вокруг фирмы Ратнер!»

Всегда хладнокровный Иван Петрович чуть не подскочил от бурной радости...

— Надо уметь с пользой выйти из всякого положения! Конечно, со стороны Ивана Петровича не совсем корректно пользоваться подобными приемами. Но *à la guerre comme à la guerre*! На войне, как на войне! Разве сам Ратнер останавливается перед возможностями подставить ему ногу?!..

— Ну вот и я ему подставил ногу... да не простую, а... хе-хе-хе... мертвую...

И довольный своей циничной остротой Ландезен принялся за работу.

Глава пятнадцатая

ТАИНСТВЕННЫЙ ЖОРЖ

Следователь озадачил Георгия Петровича вопросом, который, казалось бы, не имеет никакого отношения к делу Лидии Львовны, по которому он арестован.

— В каких отношениях состояли вы с Анной Антоновой Ратнер?

— Я поверенный ее супруга Карла Вильгельмовича...

— Ну, а с его супругой не допускали ли вы интимных отношений?..

— Отношение Анны Антоновны ко мне было всегда самое сердечное... Но ничего особого... предосудительного в наших отношениях не было...

— Не называла ли вас г-жа Ратнер Жоржем?..

— Нет... Не помню... не думаю... Может быть, иногда, в шутку...

— Не был ли вами послан в день вашего ареста ей вот этот ящик, доставленный ей на следующий день?

— Этот ящик я вижу в первый раз и содержимое его мне неизвестно...

— Отвечайте прямо: вы не посылали ей этого ящика?

— Нет, не посылал.

— Не вами ли написана вот эта записка?..

— «Прости. Спаси. Жорж»... Нет... я не писал этого...

— У вас есть пишущая машинка?

— Да. Но шрифт ее не походит на этот...

— Вы не можете сказать, кто мог написать эту записку?..

— Это очевидная и наглая провокация, но я не могу назвать лицо, которому интересно было бы ее проделать!

— Не догадывался ли кто-нибудь из ваших близких или знакомых о вашей связи с г-жой Ратнер?

— Никто и не мог догадываться, потому что никаких связей и не было, и я вызвал бы на дуэль первого, кто осмелился бы про меня распустить эту клевету...

— А не могла ли об этом знать или догадываться Лидия Львовна Невзорова?

Краска смущения и тревоги залила лица Теремовского:

— Нет, тысячу раз нет... Я не могу допустить, чтобы она интересовалась грязными сплетнями...

— А не замечали ли вы со стороны г-жи Невзоровой... за последнее время... чтобы она вас ревновала к кому-нибудь больше обыкновенного...

— Позвольте! Я был другом ее мужа и — только! Никаких поводов и никакого смысла ревновать меня у нее не было!

— Вы не знаете, есть ли у нее в доме пишущая машинка?..

— Не считаете ли вы ее способной на такой подлый провокационный способ? Я не знаю, что было внутри этого ящика, но уже по записке вижу, что ничего доброго...

— В этом ящике находилась часть трупа!

— Какая часть!.. Какого трупа! Что вы говорите! Меня арестовали, но я до сих пор не знаю, за что... Я уверен, что все это дело немедленно разъяснится, что Лидия Львовна ничего общего ни с каким трупом не имеет!

— Вам будет предъявлена сейчас правая нога... Не признаете ли вы в ней ногу Петра Николаевича Невзорова?

У Теремовского опять закружилась голова:

— Уж не сплю ли я!

Следователь вынул фотографический снимок правой ноги, снятый в трех поворотах.

— Нет; клянусь, что эта нога не похожа на ногу Пьера. У Петра Николаевича тело худое, крепкое, а это жирное, дряблкое... И потом, откуда вы взяли, что он убит! Он в Варшаве...

Долго мучил его судебный следователь.

Глава шестнадцатая

В ДОМЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Совсем разбитым вернулся Теремовский в дом предварительного заключения.

Грохнулся на кровать и до головной боли старался разобраться в том хаосе неожиданных новостей, которые услышал, о которых догадался из слов следователя.

«Извозчик... посыльный... записка... Лидия Львовна под арестом... Созналась в убийстве... Анна Антоновна близка к помешательству... Муж все узнал... Но кто же мог написать этот подлый донос... Чей это труп?.. Отчего так загадочно, припадочно было поведение Лидии Львовны в тот роковой

вечер?!.. Почему она напилась... Почему отдалась?.. что говорила, о чем недоговаривала?..

Неужели эта кровавая рука имеет какую-нибудь связь с этим трупом... Немыслимо!.. Но чем же объяснить ее истерику... Ведь весь вечер и вся ночь были сплошной истерикой...»

Да, только теперь Теремовский понял, что она отдалась ему в истерике... Не любя...

— Не любя!...

— Как не любя?.. Но ведь даже судебный следователь заметил, что она его ревнует... Не ревнуя, разве можно послать такую подлую записку женщине, которую считаешь соперницей...

И вдруг дьявольская радость охватила его.

Ему так захотелось верить, что это так и есть, что следователь прав во всем, во всем...

— Ах, я идиот! Как это я не заметил, что Лидия Львовна любила и любит меня до самозабвения! Кто бы мог подумать, что из любви ко мне она пошла на такое преступление!..

Какое преступление — он еще хорошенько не знал.

Но он чувствовал, что его с Лидией связывает какое-то преступление. И ему радостно было сознавать это. И, ходя по камере одиночного заключения, он почти вслух повторял:

— Любовь и преступление! Любовь и преступление!..

Глава семнадцатая

СМЕРЧ ПОДОЗРЕНИЙ

Подозрение судебного следователя подтвердилось. Вторичный обыск показал, что в кабинете Невзорова есть пи-

шущая машинка, шрифт которой совершенно подходит к шрифту записки: «Прости. Спаси. Жорж».

Значит, эти слова написала Лидия Львовна.

Когда следователь предъявил ей записку, она смутилась.

— Не можете ли вы сказать, кто написал эту записку?

— Могу... Ну, конечно, могу...

Но голос оборвался. Мысли кружились. Ей стало жалко Теремовского.

Ведь он же не виноват, что она ему отдалась... Она сама, сама напилась, как простая кухарка, обрадовавшаяся, что муж уехал, и бросилась на шею первого подвернувшегося мужчины... Каждый на месте Теремовского воспользовался бы такой легкой добычей... И вот он молит у нее же, у нее, которая впутала его в эту ужасную историю, прощения...

«Спаси»... Да, она обязана сделать все, чтобы его спасти... Она вспомнила, как накануне он клялся спасти ее, и вот теперь молит о спасении сам...

— Что же вы молчите? Я жду, чтобы вы назвали имя автора этой записки...

— Я нахожу это лишним... Раз вы мне передаете ее, значит, она написана тем, кто вам поручил это сделать...

— А кто мог поручить это сделать?

— Конечно, тот, кто подписался... Георгий Петрович Теремовский.

— Вы настаиваете, что это писал г. Теремовский?

— Разве в этом есть сомнение? Раз человек сидит в тюрьме и просит вас передать мне записку... ясно...

— Вы уверены, что эта записка адресована вам?..

— Несомненно... Ведь я же его впутала в эту глупую историю...

— А не можете ли вы предположить, что записка адресована другой даме? Не знаете ли вы, с какой еще дамой г. Теремовский на «ты»...

— Как на «ты»? — вспыхнула Лидия Львовна. — Георгий Петрович никогда не был со мной на «ты»... Никогда он не подписался бы под письмом так фамильярно — «Жорж»! Я лично никогда его «Жоржем» не звала!.. Эта записка адре-

сована не мне! Это или ловушка с вашей стороны... Или провокация с его...

Она только сейчас заметила, в каком тоне составлено послание Теремовского!..

— Какой негодай! Он не только не раскаивается в том, что воспользовался моим расстроенным положением, опоил и изнасиловал меня, но и кичится своей близостью ко мне... Как он смеет писать ей на «ты»! Это он сделал нарочно, чтобы прокурор и следователь яснее видели, что я его любовница!.. Какой наглец! Боже мой, какой наглец!.. Как я ошиблась в нем!.. Я считала его таким деликатным... Видно, был деликатным, пока добивался меня, а как добился, оказался, как все... хуже всех... При первой же шкурной опасности, не стесняясь, топчет в грязь ее репутацию!.. Шкурный вопрос! Шкурный вопрос! Покажу же я тебе шкурный вопрос!..

Глава восемнадцатая

В УДУШЬЕ ЗЛОБЫ

Злоба душила Лидию. Вихрь мыслей хлыстовствовал в ее голове. Горящими, безумными глазами смотрела она на записку.

— Так вы утверждаете, что это адресовано не к вам. К кому же, по вашему мнению, могло это адресоваться... Не знаете ли вы, кто еще находился с г. Теремовским в интимных отношениях?..

— В интимных отношениях? Вы хотите сказать, что он со мной находился в интимных отношениях! Вы осмеливаетесь оскорблять меня в глаза! Кто вам дал право! Закон! Мундир!..

Следователь спокойно ответил:

— Сударыня! Успокойтесь. Мы одни. Нас никто не слышит. Я задаю вам вопросы, на которые вы имеете право не отвечать. Но, поверьте мне, что я делаю это, повинуюсь долгу службы. В моем вопросе нет ничего оскорбительного после того, как вы сами на первоначальном допросе заявили, что...

— Да! Этот негодяй силой взял меня! Напоил и... взял!.. Но теперь я ему такая же чужая, как раньше... Даже более чужая, чем прежде!.. Я ненавижу! Я презираю! Я проклинаю его!.. Вот в каких интимных отношениях мы с ним! Я убила бы этого подлеца и не раскаялась бы! Я не хочу слышать имени человека, который опозорил меня, моих детей... Дети! Дети!..

Она начинала истерически всхлипывать и причитать, зовя на все лады Тосю и Вандочку. Она готова валяться в ногах, целовать руки следователя, лишь бы он позволил ей не разлучаться с ними. Мало ли, что она истеричка, слабая, подхваченная вихрем неожиданных, странных стечений дьявольских фактов, могла на себя наговорить. Муж жив, он завтра приедет. Все разъяснится.

Следователь видел, что в таком состоянии Лидия Львовна не даст ни одного дельного показания.

Он как мог старался успокоить ее: дети у сестры Петра Николаевича, г-жи Гнездииковской, в прекрасных руках. Им сказано, что мама на несколько дней уехала в Варшаву к папе. Они ждут, что мама с папой вернутся и привезут целый ящик с игрушками.

Глава девятнадцатая

ДОГАДКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Следователь сам расстрогался, рисуя картины детского благополучия, хотя это и не входило в круг его обязанностей.

Сама Невзорова с каждым днем казалась ему все загадочней. Ясно было одно, что она — истеричка. Ясно было другое, что не она написала эту записку: надо быть чересчур искусной актрисой, чтобы разыграть сцену нынешнего допроса.

Ясно было третье: она ревнует Теремовского и даже сама мысль о возможности у него интимных отношений с какой-то другой дамой приводила ее в истерическое бешенство.

Но тогда кто же написал записку, которую нашел в ящике с мертвой ногой, адресованном Анне Антоновне Ратнер?

На вопрос:

— Знакомы ли вы с г-жой Ратнер?

Лидия Львовна так просто и искренне спросила:

— А какие это Ратнеры? Муж говорил, что Теремовский познакомил его с какими-то Ратнерами. Но я лично ничего о них не знаю...

«Муж знаком с Анной Антоновной!» — новое подозрение мелькнуло в голове следователя.

Сегодня он ждал ответа на телеграфный запрос в Варшаву.

Быть может, и в самом деле Невзоров жив, и тогда следствие потечет совсем по новому руслу.

Потому что, если он жив, преступление — дело его рук. Жена тут ни при чем.

Если жив — преступник, если умер — жертва.

Подали телеграмму...

Глава двадцатая

ЕСЛИ ЖЕНЩИНА ЗАХОЧЕТ

— Главная достопримечательность Варшавы — Ченстоховский монастырь.

— Ведите, куда хотите!

— Не «ведите», а «везите!».. Ченстохов монастырь так же далеко от Варшавы, как Иматра от Петербурга!.. Мне одна знакомая говорила, что самое интересное, самое любопытное и самое восхитительное в Петербурге — это Иматра...

— Очевидно, ваша знакомая ездила туда не одна?

— Ну конечно. Кто же ездит в Ченстохов или на Иматру втроем... Мы тоже не возьмем мужа...

— На Иматру ездят или вдвоем, или поодиночке... Или влюбленные, или... самоубийцы.

— Ну, самоубийцы не жалуют Ясногорского монастыря, хотя там есть где покончить с собой. Я как-то гуляла на валах. Оттуда залюбовалась на цветущие клумбы монастырских садов, которые разбиты там внизу, у подножия стены. И мне так захотелось с головокружительной высоты этой святой крепости ринуться вниз и смешать свою кровь с цветами, выросшими на святой монастырской почве... Я тогда была моложе... и лучше, кажется, была...

— Почему такие мысли!.. Вы мне кажетесь такой жизнерадостной, что у вас даже в шутку мысль о самоубийстве не может проскользнуть...

— Я тогда была другой... Я узнала об измене мужа, о первой измене... Ха-ха-ха... И поехала одна в монастырь... Замаливать грехи мужа... Я была, как шальная... Я, православная, исповедовалась у паулина...

— Уж не у Мацоха ли?..

— Вы угадали... Тогда еще никто не знал о его подвигах... Напротив, среди других монахов он выделялся мягкой обходительностью... Я покаялась ему в том, что хотела по-

кончить с собой... Он долго и горячо говорил о том, что жизнь самый драгоценный дар Создателя и что те, кто отказываются от этого дара, тем самым оскорбляют Его... Говорил простым, житейским языком, голосом вкрадчивым, но не неприятным... И примеры брал все житейские... «Вот если бы я вам от чистоты сердечной подарил колечко с бриллиантом, а вы бы подержали у себя, поносили на пальце его дня два, а потом вернули мне: — “не надо”!.. Ну разве этим вы не обидели бы меня? Я подумал бы, что вы недовольны тем, что бриллиант мой, который я вам дал, не чистой воды... Или что он недостаточно велик... Или что вы на меня сердитесь... Вот и жизнь тоже... Нельзя жаловаться, что она не чистой воды, если вы сами мутите воду жизни. Нельзя жаловаться, что этот бриллиант недостаточно играет... Надо уметь его носить и он заиграет, надо вправить его в подобающую оправу... Очевидно, муж ваш неподобающая оправка для вашей жизни... Вот я познакомлю вас с отцом Исидором, он вас научит, как надо жить, чтобы жизнь играла, как молодая кровь, как старое вино...»

— И вы познакомились с Исидором Старчевским!*

— Нет! Случай спас! Настроилась так, что захотелось простить мужа и, не дождавшись вечернего свидания со Старчевским, уехала с первым поездом в Варшаву... Это было три года тому назад!.. Очень хотелось бы посмотреть монастырь, валы, аллею теперь, после того, как над Ясной горой пронеслась нежданная гроза.

— Ваше желание для меня закон! Я всегда к вашим услугам.

— Фу!.. И вы тоже говорите такими обычными, готовыми фразами. Это нам, женщинам, простительно говорить готовыми фразами. А вы, мужчины, обязаны ковать новые фразы, новые действия. Ведь задыхаешься во всем этом тряпье, в которое кутает меня Василий Александрович Топилин! Впрочем, у него, у этого доброго, разбитного парня, больше фраз, чем у всей их редакции... Я человек веселый,

* Речь идет об одном из монахов Ченстоховского монастыря, замешанном в деле Мацоха.

экспансивный, и меня тошнит, когда говорят, только говорят, а не действуют...

Глава двадцать первая

МЕСТЬ ИЛИ ЛЮБОВЬ

Петр Николаевич вскочил, протянул обе руки:

— Едемте! Звоните мужу! Он сейчас в редакции. Предупредите его, что мы уезжаем и...

— Зачем предупреждать?

— Но ведь мы можем заночевать там?..

— А он меня предупреждает, когда отправляется к своей Тине... тине, в которой он завяз...

В ее голосе почудились злые нотки.

— Нет, уж пусть он сегодня поволнуется, поревнует... Я хочу, чтобы никто, а он менее всего, не знал, куда делась я...

— Но моя дружба к нему обязывает меня...

— Трус! Тряпка!..

— Марья Александровна! Если бы я не сознавал, что вы хотите воспользоваться мною исключительно как орудием мести, я был бы без ума от радости ехать с вами.

Она вскочила, выпрямилась перед ним и вызывающе крикнула:

— Скажите! Красива ли я?

Восхищенный взгляд Невзорова сказал больше слов.

— Скажите! Нравлюсь ли я вам?

— С первой минуты, как я вас увидел, я потерял голову!..

— Так не все ли равно, будете ли вы обладать сегодня мною из мести, или из любви!..

Глава двадцать вторая

ГЕРОИНЯ КАФЕШАНТАНА

На репетиции Тина свихнула ногу и доктор уложил ее на неделю в постельку.

Тина злилась на весь мир: и на автора, написавшего идиотский танец на роликах (как будто сцена — это скэтингринк), и на режиссера, давшего эту роль Тине, которая раньше никогда на скэтинге не каталась, и на антрепренера, категорически отказавшегося выдать Тине 5 р. 75 к., затраченных ею на покупку роликов.

«Безобразия просто! Приходится покупать все на свои деньги, не только платье, обувь и трико, но и всякую дребедень, какую вздумает автор.

Заставит актрису на роликах появиться — ролики покупай, заставит на велосипеде, — велосипед покупай...

Этак в один прекрасный день дойдут до того, что заставят Тину купить на собственные средства автомобиль... А какие у Тины средства с тех пор, как она путается с этим шалопаем Топилиным.

Именно не живет, а путается.

У него у самого ничего нет. Но это еще бы не беда, с милым рай в шалаше.

Но в шалаше у Василия уже сидят жена и дети, которых он, кажется, любит и не намерен бросить».

Злится Тина и на доктора, который, выслушивая ее (она вывихнула ногу, а он счел нужным ее выслушивать!) ни с того, ни с сего поцеловал в грудь...

Сказать об этом Василию или смолчать?..

Если сказать, он сделает скандал, швырнет ему в физиономию деньги за визит, а самого спустит с лестницы.

А где он возьмет денег, чтобы расплатиться с доктором!

Нет, уж лучше смолчать. Тогда доктору можно будет и не заплатить.

Злилась Тина и на горничную Стасю, которая выдумала выходить замуж совсем не вовремя: как раз сейчас-то и необходим за Тиной самый тщательный уход, а она накричала, надерзила, напущршала крахмальной юбкой и удрала.

Злилась Тина и на Топилина, который обещал в шесть, а не явился и к семи.

Она знает, что он сейчас явится, что-нибудь соврет, что-нибудь сморозит, рассмешит или, наоборот, будет хвататься за голову, и жаловаться на проклятую жизнь, и распустит нюни...

Глава двадцать третья

СЧАСТЬЕ ВТРОЕМ

Весь мир знает Ваську Топилина безоблачным, вечно суетливым и улыбающимся, вечно лгущим и беззаботно просящим взаймы, и только одна Тина видела — за последнее время особенно часто — не только хмуриющимся, но даже и плачущим.

Он выбивался из сил, стараясь сохранить равновесие в своих отношениях к жене и Тине. Вот уж три года, как эти отношения налаживались и не могли наладиться.

Жена ненавидела Тину, называя ее злобно-иронически «твоя девица», а Тина не переваривала Марии Александровны и всегда подчеркивала: «твоя законная»!

Жена была уверена, что Тина разоряет дом, что Василий Александрович урывает из домашнего бюджета последние гроши, чтобы покупать туалеты, духи и перчатки этой привыкшей к роскошным поклонникам особе.

Тина, напротив, была уверена, что жена Василия утопает в роскоши: у нее прекрасная квартира, чудная обстановка, трое прислуг, она не знает, как устает муж, ей нет дела до того, каким путем добывает он деньги, лишь бы деньги бы-

ли. И вот Василий урывает из бюджета Тины каждый грош, держит ее в черном теле: две скверненькие комнатки, одна служанка, у которой барыня вечно должна за месяц жалование, вечные отговорки...

Ни жена, ни Тина не требовали денег. Василий Александрович всегда сам поднимал этот вопрос. И так как у него был какой-то оправдывающийся вид, это еще больше подкрепляло уверенность жены, что он сам сознает бешеные траты денег на «свою девицу» и уверенность Тины, что ему самому совестно ее, молодую, красивую, любящую заставлять чуть ли не голодать.

Не правы были обе. И обе правы.

Не правы, потому что ни жене, ни Тине завидовать друг другу не приходилось. Заработок Василия за последнее время страшно покачулся, с таким гонораром бедствовала бы и одна семья, а тут — две.

Правы — потому что права была и жена, когда уверяла, что Тина мешает ему заниматься, права была и Тина, когда уверяла, что работать ему мешает семья. Та и другая женщина вместе отнимали у него ровно все время своими бесконечными претензиями и жалобами.

Когда Василий Александрович шел на работу (репортера, как волка, кормят ноги), жена была уверена, что он идет к Тине. Язвила. Томилин отмалчивался. Сдерживался, чтобы не вышло «сцены».

Взвинченным приходил на службу. Раздраженным к Тине.

Напротив, Тина уверена, что он все время, весь свой досуг проводит у «законной юбки». Чтобы избежать укоров той и этой стороны, он старался как можно больше делать досуга, чтобы поровну делить его между Марией Александровной и Тиной. Отлынивал от дела и дел, и единственным заработком было «перехватывание» четвертных там и тут.

Ему давали охотно, потому что любили его, вечно жизнерадостного, улыбчивого, лгущего, но так безобидно, так кружевно, так весело. Жену его тоже считали веселой, не знающей, что такое заботы, хохотушкой. Тине говорили:

— Бросьте вы вашего Васеньку! Погубит он вас. Что вы с ним путаетесь! Вы молоды, красивы, могли бы утопать в роскоши. А теперь не вы его Тина, а он ваша тина, — тина, которая засосет вас...

В ответ она смеялась:

— Хорошо, я сейчас брошу Васеньку и возьму вас!

Все трое они несчастны. Но все трое делают вид, что им живется просто прелесть как. Никто не видел, да и кому какое дело было глядеть, что творилось за кулисами этой странной семьи.

Глава двадцать четвертая

ЭКОНОМИЯ НА РОЛИКАХ

Тина лежала и злилась.

— Противная Стаська, ни за что не придет. Дверь не заперта. Всякий может войти.

Вставать с постели Тина не может, только абсолютный покой исправит ногу.

Василий еще не знает о несчастьи с ногой. Тина прямо с репетиции привезена Свенцицким домой.

Она просила Стасю дать знать по телефону в редакцию. Но озлобленная горничная назло не сделала этого. Да и некогда ей, надо на свидание спешить. Да и в редакции ли Василий? Вероятно, пришит к «законной юбке».

— Господи! Дай мне разлюбить его! Дай мне силы его покинуть!.. Дай ему силы меня бросить!.. Пробовал... За три года дважды пробовал. Проклятье какое-то!.. Вот жди его... мучайся... Одна, одна... Некому воды подать... Скажет «сама виновата, зачем груба с горничной»... Да разве у меня вместо нервов веревки!.. Так ведь и канаты не выдержат...

Потом вдруг ей вспомнилось, какое милое было лицо у Василия, когда он вчера принес ей 25 рублей, заработан-

ные на каком-то съезде агрономов. Как оживленно рассказывал он о встрече с приятелем Невзоровым, которого непременно привезет сюда. Как возмущался он антрепренером, который наводил грошовую экономию на роликах, так и хотел написать в «Вестнике» фельетон: «Экономия на роликах»... «Антрепренер скоро потребует, чтобы артистки обзавелись автомобилями... Некоторые из них, как, например, Семигановская, предупредив желание антрепренера, уже приобрели...» Вот разозлится Семигановская...

И вдруг Тине стало легко, легко... так просто, спокойно...

И она заснула.

Разбудил ее резкий, тревожный звонок.

Глава двадцать пятая

РИТУАЛЬНЫЕ УБИЙСТВА

Редактор как-то вяло промышчал:

— Ну что же, можно и об сектантах. Пишите!

— Как! Вы говорите — можно! Не можно, а должно! — выпалил Ростовский, хмурый, коренастый, эсдечной наружности, передовик. — Наш долг заступиться за сектантов так же горячо, как мы заступились за евреев в деле Ющинского*. Мало того: сектанты больше нуждаются в нашей защите, потому что кто обвинял евреев? темные невежественные лица! кто обвиняет сектантов в ритуальных убийствах? — просвещеннейший, христианнейший писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский...

* Т. е. деле Бейлиса (1911-1913), начавшемся с убийства киевскими уголовниками в 1911 г. 12-летнего Андрея Ющинского.

— Ну уж, будто бы так и обвиняет!..

— Обвиняет ярко! И тем для сектантов тяжело, что его обвинение навеки останется. Наши возражения в газетах умрут, ими селедки завертывать будут, а романами Мережковского наши внуки еще любоваться будут!.. Вы читали третью часть «Антихриста»?

— Его «Петра и Алексея»* знаю только понаслышке.

— Ну так вот, поинтересуйтесь им, как он ритуальное убийство размалевывает: «И вдруг все остановились, пали ниц, как громом пораженные, закрыв лицо руками. Белые рубахи покрыли пол, как белые крылья. “Се агнец непорочный приходится заклаться и даться в снедь верным”, — в тишине раздался из подполья голос Матушки, глухой и таинственный, как будто говорила сама “Земля-Земля, Мати сырая”. Царица вышла оттуда».

— Какая царица? — сонно спросил редактор.

— Ну, будет вам... Конечно, все это возмутительно. Я студентом увлекался историей раскола и могу сказать, что во всей богатейшей литературе этого вопроса нет ни одного документа, свидетельствовавшего о существовании у сектантов ритуального убийства!..

— Ну, положим, есть дело о раскольниках в Москве в 1774 году. Откуда, очевидно, черпал материалы и Мережковский!..

— Но ведь все эти Лукерьи, девки Елены и Марии, на слова которых опиралась обвинительная власть, давали свои показания под пытками и под угрозами снова быть вздернутыми на дыбу. Они потом взяли свои слова назад...

* «Антихрист. Петр и Алексей» (1904-1905) — роман Д. С. Мережковского, третья часть трилогии «Христос и Антихрист».

Глава двадцать шестая

ЖИВОЙ ТРУП

В разговор вмешался Топилин, сосредоточенно чинивший карандаш, чтобы написать театральную заметку: «Экономия на роликах».

— Я на днях развернул книжку какого-то толстого журнала. В ней некий Бонч-Бруевич* тоже возмущен, тоже Мережковским... Авторитетно... Мне даже скучно сделалось и я захлопнул книжку... По моему, ей-Богу, ни у евреев, ни у христиан никаких ритуальных убийств нет и не было... Даже напротив...

— Что напротив?..

— Напротив, у христиан есть ритуальные... поцелуи...

— ??..

— Да... На пасхе... Разве христосование не ритуальные поцелуи...

— Он прав!.. — засмеялся редактор. — Кстати, Вася, ты вчера мне представил своего приятеля Невзорова...

— Да. Душа-парень.

— Он инженер?

— Кажется. Даже наверное.

— Это не его ли жена убила?

— Как так?

— Да вот сейчас агентские телеграммы из Петрограда передают об аресте жены инженера Лидии Невзоровой по подозрению в убийстве мужа. Арестованная созналась.

— Что вы мне голову морочите?..

— Да вот тут и подробности прелюбопытные: «Желая скрыть труп мужа, убийца разрубила его на части, запа-

* В. Д. Бонч-Бруевич (1873-1955), видный революционер-большевик, позднее советский партийный и государственный деятель, автор работ по русскому сектантству.

ковала в ящики и разослала по разным лицам в Петрограде. Один ящик якобы позабыла на извозчике, другой послала коммерсанту Абелю, третий коммерсанту Ратнеру. Пока найдены три ящика, заключающие в себе правую руку, левую ногу и тазовые части инженера Невзорова. Вместе с убийцей арестован ее сожитель прис. пов. Теремовский, ради которого она пошла на преступление...»

— Что за ерунда!.. Не может же быть такого совпадения... Я знаю, что жену Невзорова зовут Лидией... Два Невзорова... Оба инженеры... Оба женаты на Лидии...

— И оба уехали в Варшаву!..

— Как в Варшаву?

— При аресте Лидия Невзорова признала себя виновной в убийстве мужа, Теремовский же заявил, что инженер Невзоров жив и находится в Варшаве...

— Это великолепно! Значит, вы нас познакомили вчера с живым трупом!..

— Вы меня мистифицируете!..

Топилин выхватил телеграммы и медленно вслух перечитал все. Потом бросился к телефону.

Глава двадцать седьмая

КТО СЛОМАЛ НОГУ?

— 248-74... 247-74... Маня ты?.. Где барыня... Уехали?.. С господином?.. Не сказала, когда вернется?.. Как?.. Не будет ночевать... Что за глупости... Куда же?.. Спроси швейцара, куда нанимали извозчика...

— Что такое? Ваша супруга сбежала с живым трупом?.. Успокойтесь... Невзоров поехал осматривать Варшаву, в Лозенки...

Едва Топилин отошел от телефона, как звонок вернул его к трубке.

— Кто у телефона... Алло... Да, это я... Как? Барыня сломала ногу?.. Какой нахал смеет так шутить...

А чей-то грубый бас повторил по телефону:

— Так ей и надо! Прыгала и допрыгалась...

— Ради Бога, скажите, где она сейчас!.. но голос не ответил, положил трубку.

Ясно одно: жена поехала с Невзоровым, поехала кататься, вероятно, на автомобиле, случилось несчастье и она сломала себе ногу!..

Он взглянул на часы:

— Боже мой, восьмой час! А я поклялся в шесть быть у Тины!

Он схватил котелок.

Статья «Экономия на роликах» так и осталась неоконченной.

Глава двадцать восьмая

ТАЙНА ТЕЛЕГРАММ

Телеграмма, полученная судебным следователем, была неутешительного свойства:

«Петр Николаевич Невзоров выбыл из Варшавы неизвестно куда».

— Как бестолкова полиция, — горячился следователь; — не могли прибавить, когда именно выбыл.

— Ясно одно, — с уверенностью сказал практикующий у него в камере и заинтересовавшийся делом Невзоровой кандидат на судебные должности Потемков, — что в момент ареста Лидии Львовны ее муж был в Варшаве...

— Это далеко не так ясно, как вы думаете...

— Позвольте... Но кто же тогда послал две телеграммы...

— Кто угодно...

— Я вас не понимаю...

— Кто угодно, но только не Невзоров... Прочтите внимательно и подумайте хорошенько над ними...

— «Пошутил, остаюсь, целую Лиду Теремовскую»... «Выехал скорым завтра буду...».

— На днях мне рассказали о такой любопытной проделке известного авантюриста барона Энгельгардта. В Париже ему удалось раздобыть не совсем благовидным путем пачку ассигнаций какого-то благотворительного общества. Он обратился к скупщику краденых бумаг Шмуклеру, прося их купить, как краденые, за полцены. Шмуклер согласился, но потребовал неопровержимого доказательства ценности бумаг. Энгельгардт предложил самый простой, скорый и убедительный способ: послать в Петроград директору банка гофмейстеру Вортоновскому телеграмму с запросом: «что стоят в России восточно-сахалинские акции». Эту телеграмму послал Шмуклер лично. А другую телеграмму послал лично Энгельгардт: «Петроград-Эрмитаж. Шпаковскому. Немедленно отвечай: Париж, Отель Ришенас, Шмуклеру. Акции восточно-сахалинские на бирже не котируются по случаю богатства общества. Ходят по цене 200 и 202 при покупке. Подписи Правления банка. Ответ срочно. Получишь комиссию Валериан». Разумеется, ответ был получен немедленно и произвел на Шмуклера чудесное впечатление. Но ответ не на его телеграмму, адресованную несуществующему Вортонскому и потому не доставленную, а на телеграмму, о существовании которой Шмуклер и не подозревал...

— Так вы думаете, что и нас, как этого Шмуклера, кто-то хочет обморочить...

— Это несомненно. Сам Невзоров не смог бы послать таких бессмысленных телеграмм. «Пошутил. Остаюсь. Целую Лиду Теремовскую»... Если толковать их так: Петр Николаевич, узнав о связи жены с Теремовским, объявил, что уедет за границу, или что убьет себя, или что убьет их... Доехав до Варшавы, он одумался, успокоился и телеграфирует «Пошутил». т. е. пошутил, что застрелюсь, что застрелю, что покину навсегда Петроград. «Остаюсь»... И как бы подчеркивая, что простил жене связь с Теремовским, добавляет «Целую Лиду Теремовскую...». Он этими словами

словно соглашается на развод с тем, чтобы жена вышла за друга замуж законным браком!..

— Превосходно! Проницательное толкование! Вы, Николай Ефимович, лучше всяких Шерлоков!

— Только при таком толковании понятна вторая телеграмма: «Выехал скорым. Завтра буду»... и третья «В Варшаве на жительство не значится»!... Но если бы Невзоров сам написал о том, что он «выехал», так он еще третьего дня был бы уже в Петрограде. Не может быть для мужа безразлично, что его жена арестована за убийство мужа!.. А раз он выехал, где же он?..

— Видно выехал, да не в Петроград...

— А если бы это был муж, куда бы он поехал?

— Только в Петроград, чтобы разрушить легенду о своей смерти...

— Значит, тот, кто выехал скорым, «завтра будет» не в Петрограде, а в ином условленном пункте... Быть может, в заграничном городе... Он отправил из Варшавы свои страшные посылки и улизнул...

— Конечно, если бы Невзоров был в живых, он откликнулся бы немедленно. Ведь во всех газетах напечатаны телеграммы об аресте его жены!.. Значит, он или на том свете, или за границей...

— За границей он тоже узнал бы. Не может русский человек жить за границей, не читая русских газет...

— Ну, это, положим, не так... Я бы о русской газете и не вспомнил. Так там все интересно, ново, увлекательно в действительной жизни, что я ничего не читаю, кроме вывесок и меню. Да я, признаться, и здесь не всегда читаю... Некогда...

— А вы не предъявляли до сих пор этих телеграмм Невзоровой?

— Нет. На это у меня были веские основания. Но теперь немедленно предъявлю. Послушаем, что скажет барынька.

— Для меня она сплошная загадка. С одной стороны, у нее такой искренний тон, такие правдивые глаза. А с другой стороны, факты так беспощадно изобличают ее...

— Истеричка!

Глава двадцать девятая

В РАЗГАРЕ ПИРА

Инженер Неберучев провозгласил тост за теток поставщиков.

За самих поставщиков уже пили. За жен поставщиков пили. За дочерей поставщиков пили. За матерей — пили.

Взрыв аплодисментов покрыл находчивый тост. Как вдруг электричество померкло. Не погасло, а померкло.

— Второе предостережение! — пробасил Дормидонтов. — В этом ресторане завсегда так. Сперва на стол свечи подадут, дескать, скоро ресторан закроют. Потом электричество при спустят. А потом и — шабаш, просят о выводе и о выходе...

— Для нас закон не писан! — пропищал хлыщеватый инженерик, более похожий на правоведа.

— Мы еще за тещ не пили...

— И за бабушек!..

— Господа, здесь у нас нет ни бабушек, ни дедушек! — выкрикнула Жюли. — Лучше обсудим, куда мы отсюда!

— Тост за тещ и бабушек будет провозглашен у меня на квартире... — ответил Неберучев.

Платов толкнул его в бок.

— Неудобно. Ты забыл, что мы с девицами? Что скажет твоя жена? Ведь половина четвертого ночи...

— Жена в мои служебные дела не вмешивается. Она знает, что необходимо для пользы дела. Я сегодня Дормидонтова необработанным не отпущу.

— Едем куда угодно... Ну, хоть ко мне... Но не в семейный же дом... Ведь там одна Манька-Ковбойка может такой скандал устроить... Маньку выкинем. По дороге из автомобиля выставим.

— Без Маньки Дормидонтов не тронется... А если выкинешь — разозлится...

И еще раз зычным голосом Неберучев гаркнул:

— Господа, оканчивать наш милый праздник едем ко мне. Я предупредил по телефону, чтобы все было готово!

Манька-Ковбойка взвизгнула от радости.

— Ужасно люблю бывать в семейных домах!

Дормидонтов спросил:

— Всей семьей едем, или без дам?

— Всей семьей! Всей семьей!.. Я даже советовал бы дам забирать как можно больше! Потому, что у меня дома есть запас вин и закусок... Но запаса дам не имеется!..

— Будет! Будет!.. Неберучев такой хозяйственный, что дойдет и до этого... до склада дам.

— Ты меня в склад возьмешь? — крикнула Манька.

— Нет, ты у меня все вино перепортишь...

— Ми не пьучки. Нас склядивай нах скляд!.. Ми три скляди!..

— Немок беру. Все три сестры будут лежать про запас для Карла Антоновича!..

— Я тоже лягу! — Верка-Недомерка едва держалась на ногах. — Милый Иван Иванович, вези меня на коленях... Я так не доеду...

— Я тебя посажу на колени к шоферу!..

Жюли была правой рукой Неберучева. Она была трезвее всех, хотя и симулировала опьянение.

Ее целью было отстранить от Дормидонтова Маньку-Ковбойку. Но Дормидонтову была более по душе Манька.

Жюли пробовала было вступить с ней в сделку.

— Даю четвертную, уступи мне старика.

— Только попробуй отбить. Я тебе публично морду раскроваю.

— Дура. Да ведь это для дела нужно. Меня Неберучев просил замарьяжить Дормидошку...

— А мне нет дела до твоего дела. У меня свое дело.

Все уж встали с мест, шумят, уговариваются, кто с кем поедет.

Пьяная Спаржа расплакалась:

— Ни за что не поеду в семейный дом! — сентиментально закатывала полные слез глаза и повторяла:

— Ах, семья! Это святое! Я сама происхожу из семьи.
Ах, бабушка... Ах, тетки...

— Да ведь мы уже пили за теток!

— Едем, еще за бабушку выпьем!..

— Уговорили!

Жюли рассказала Неберучеву об упорстве Маньки.

— Не беспокойся, — многозначительно сказал он. — Она поедет. Но не доедет!

Платонов боялся, что все не усадятся в пяти автомобилях:

— Сколько нас?

— Четырнадцать человек и семь дам!

— По одной даме на двоих!..

— Я от своей порции отказываюсь! — процедил правовед. — Я удивляюсь, как вообще измельчала провизия... Раньше были шикарные дамы, устрицы... А теперь...

.
.
.
.
.
.
.

— Да ведь за бабушек будем пить...

.

— Урра!

Другие, не зная за кого, расходясь, пьют, поддержали.

Темный коридор ресторана оживился беспорядочными криками.

Кто-то тормозил заснувшую на диване кабинета Верку-Недомерку.

Икая, она полубессознательно попросила воды.

Ей подали стакан, в который слили из разных рюмок и стаканов вина и ликеры.

- Долей пивом! — посоветовал Ефремов.
Та залпом выпила, глупо улыбнулась и спросила:
— Хрюшон?
— После такого захрюкаешь...

Глава тридцатая

ПО ДОРОГЕ В СЕМЕЙНЫЙ ДОМ

У подъезда гудели и фыркали автомобили. Многие из компании уже уселись. Другие одевались.

Вперед поехал Неберучев и Платонов, захватив с собой не хотевшую отстать от подрядчика Маньку-Ковбойку.

— Ты мне нужна!.. — солгал Неберучев. — На Жюли я не надеюсь!..

— Да ты-то мне не нужен!

— Авось пригожусь.

Подумала и опасливо села.

Еще какого-то юнца прихватили, который еле отдавал себе отчет.

Ему понравился ликер «Банан» и он один вытянул около двух бутылок этой приторной жидкости.

— Господа! Поскорее! Не забудьте себя в кабинете! — кричал Ефремов.

Хлыщеватый Ван-Ливен пробормотал:

— Мне хотелось бы забыть себя в кабинете. Уж очень мне дамы не нравятся.

— От него все качества!

— От кого?

— От Дормидонтова. «Не люблю, — говорит, — я этуалистх. В простых скусу больше!».

— Неужели Неберучев так боится его...

— Неберучев у Дормидонтова в руках...

— Ну идем.

.
.

— Поедем пить за тещ!..

— Как все это тупо!.. Пошло!.. Еще Жюли, если бы она не была так пьяна, могла бы меня позабавить...

— Жюли! Нет, брат, шалишь! Жюли, это штука в руках Неберучева...

— Она хорошенькая!

— Местами недурна...

Автомобили мчались.

Дормидонтов, замешкавшийся было в уборной, поспел усестись только в четвертый автомобиль, где его поджидала Жюли.

— А Манька где?

— Эге! Хватил! Она с Иваном Петровичем. У нее с Беручкой давно канитель. Она рада, что дорвалась до него.

— Ну и черт с ней! — недовольно буркнул поставщик. — Что же она мне башку тормошила!

Автомобиль мчался.

Вдруг на полдороге чей-то отчаянный бабий крик огласил улицу.

— Задавили мы кого-то!

— Мало ли тут девок шляется! Всех не передавишь!..

— Нет... Это не модель!.. Шофер, стой! Стой, каналья!..

На мостовой валялась... Манька-Ковбойка и голосила на весь Петроград.

Окровенную, вздрагивающую, голосящую, беспамятную ее положили в автомобиль Дормидонтова и повезли, куда едут все. Подкатали.

— Ну что? У вас все благополучно?

— У нас Спаржа оскандалилась! Укачало! Морская болезнь...

— Как же можно подавать спаржу без соуса...

— А у нас Ковбойка под красным соусом...

Глава тридцать первая

БОЧОНОК С ИКРОЙ

Неберучев гостеприимно просил:

— Весь дом к вашим услугам. Жена уехала ночевать к сестре.

Манька пришла в себя и, всхлипывая, рассказывала Дормидонтову, как Неберучев ее вышвырнул из автомобиля.

— Едем отсюда, Илья Ильич! Я тебе столько такого расскажу, что ты не опомнишься.

— Молчать!.. Она пьяна, — цыкнул на нее Неберучев. — Господа, в столовую!.. Илья Ильич, прошу вперед... Чем Бог послал!.. Закуска холодная и горячая... Может быть, мой повар спросонья что и переварил... уж простите...

Лакей сделал ему знак глазами.

— В чем дело? — подошел к нему Неберучев.

— Бочонок-то раскрывать что ли?

— Какой бочонок?

— С икрой... Который нынче прислали...

— Икра?.. Кто прислал?.. Тащи, тащи сюда. Мы ее из бочонка будем... Ставь на боковой столик... Ты ее во льду держал?

— Сейчас с погреба...

Под «ура» втащили двухпудовый бочонок и начали раскупоривать.

— А икра-то пахнет сыром!..

Неизвестно кто произнес этот каламбур, но все почувствовали себя неловко.

— Барин! Это не икра!.. А...

Иван не договорил, его словно отбросило от бочонка.

Нестерпимая вонь, трупный смрад охватил присутствующих.

Из жижи разлагающихся человеческих внутренностей виднелась голова с проткнутыми глазами и содранным скаль-

пом. В паническом страхе все, давя друг друга, со стоном, с визгом бросились к дверям.

Спаржа упала и с ней повторилась опять морская болезнь.

Манька кричала:

— Это ему Бог за меня! За меня отомстил!..

— Полиция!.. Немедленно дать знать полиции!..

Кто-то повторял имя Невзорова.

— Какой Невзоров? Где Невзоров?

— Где!.. В бочонке!.. Это труп Невзорова.

— Петька Невзоров! — и Манька-Ковбойка с воплем бросилась к бочке.

— Как... Ты разве знала Невзорова?..

Манька запнулась за ковер, упала в лужу, образовавшуюся от растаявшего погребного снега и от всего пережитого, от падения из автомобиля, впала в глубокий обморок.

— Ммолчать! — раздался зычный голос Неберучева, но такой властный, строгий и неожиданный, что все вздрогнули.

Он стоял у выходной двери с ключом в руках:

— Молчать! Ни с места! Кто осмелился крикнуть полицию?

Все молчали и без того. Но Неберучев крикнул в третий раз:

— Молчать! Если войдет полиция, мы погибли!.. Я запер эти двери. Никто не смеет выйти отсюда, не дав смертной клятвы, что за будет обо всем случившемся и не проронит ни слова о мертвой голове ни врагу, ни жене, ни попу на духу...

— То есть как это... попу... — протестующе буркнул было купец.

— Ммолчать! Когда я говорю, все должны молчать! А в особенности ты, Дормидонтов!.. Разве ты, старый пьяница, не понимаешь, что ты первый же попадешь под суд, если только будет составлен протокол, из которого выяснится, что ты пьянствуешь с инженерами на моей квартире!..

Глава тридцать вторая

СТРАШНАЯ КЛЯТВА

Дормидонтов в первый раз видел Неберучева таким. До сих пор Неберучев лебезил и заискивал перед ним. Дормидонтов привык почти приказывать. А тут инженер кричал на него, как на мальчишку.

Хмель спал со старика. Он отчетливо увидел, в какую историю попал, и со страха задрожал, как мальчишка.

— Двери закрыты. Никто не войдет и не выйдет. Мы должны трезво обсудить положение. За Ивана, — инженер указывал на лакея, — я не боюсь. В нем я уверен, как в себе. За сослуживцев тоже не боюсь. Ни у кого из нас нет двух голов на шее!

— За меня тоже не бойся! — прошептал не своим голосом Дормидонтов. — Хоть жги меня... Не выдам...

Хмель соскочил со всех.

— О тебе, старик, беспокоюсь меньше всего...

— Так за кого же вы боитесь?

— За баб!

— За баб! — как эхо, повторил купец.

— Бабий язык долог, и они рискуют меньше нас!..

— Как меньше? Разве для них таскание по судам не ужас?..

— Их тоже заберут в тюрьму! — соврал Платонов, глядя выразительно на немок.

Те замахали руками и в страхе заголосили по-немецки.

— Молчать!.. Если нагрянет полиция, всем будет одинаково скверно: и нам, и бабам...

Все замолчали, тяжело дыша. Всхлипывала только Спаржа.

— Сколько нас?

— Я считал, когда садились на автомобиль: двадцать один... Четырнадцать мужчин и семь женщин...

— Каждый, по одному, пусть подходит к дверям и будет выпущен из дома, только произнеся слова клятвы: «Кля-

нусь забыть обо всем здесь происшедшем. Если проговорюсь, буду убит...».

Жюли, выдавая всякие виды, и тут не забыла своих материальных интересов.

— Но прежде всего вы должны вознаградить за беспокойство нас...

Дормидонтов открыл бумажник.

— Вот тыща! Дели поровну...

Увидав деньги, дамы позабыли страх... Манька-Ковбойка лежала без чувств на полу. Никому не было до нее дела.

Жюли даже не взглянула на нее. Она была зла и не дать денег своему врагу было очень приятно.

Но страх опять вернулся к девицам, когда, подходя к дверям, они должны были повторять слова клятвы.

Первая заикающимся голосом прошептала Верка-Недомерка: — «...если проговорюсь, буду убита...».

Для большего впечатления Неберучев заставил запутанных дам подписывать какой-то лист.

Три сестры-немки долго не решались расписаться, наконец Жюли их заставила. Спаржа оказалась неграмотной... Сама Жюли дрожащей от какого-то нервного озноба рукой поставила кляксу.

Она сознавала, что ее запугивают, и все-таки пугалась, — такова сила всякой бумаги.

Когда эти дамы удалились, Неберучев опять возвысил голос:

— Теперь баб нет... кроме вот этой... (он указал на лежащую без движения Маньку). Желаю вам покойной ночи... С этой и с этим (он указал на бочонок с головой) я сам с помощью Ивана справлюсь... Иди, старина, расписывайся...

Дормидонтов грузно подошел, отчетливо толково произнес клятву, трижды перекрестился и жирно расписался: «Григорий Григорьев Дормидонтов».

Затем, не глядя ни на кого, грузно, одышливо вышел в переднюю.

Глава тридцать третья

ГАРСОНЬЕРКА ОПУСТЕЛА

— Господа, теперь, когда мы остались одни, я должен вас поздравить. Дормидонтов — наш! Теперь уж он от нас не уйдет! Он в наших руках! Ха-ха-ха! Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло. С этой дурацкой головой и пьяной Ковбойкой я разделаюсь. Это пустяки. Голова, вероятно, я даже не сомневаюсь в этом, инженера Невзорова, убитого Теремовским... Мы, конечно, не будем об этом болтать даже нашим женам...

— Bravo! Bravo! Молодец, Иван Иванович! Дормидонтов действительно запуган не на жизнь, а на смерть... Ха-ха-ха...

Все, ликуя, собрались вокруг Неберучева, пожимали ему руки и совсем забыли о голове в бочке и теле Маньки на полу.

— Пора расходиться!

— Господа! Но завтра в восемь всех здесь присутствующих я приглашаю ко мне на квартиру! — прокричал Неберучев.

— На которую? — пропищал Ван-Ливен. — Сюда или на Фурштатскую?

— Конечно, на Фурштатскую... Здесь, на Каменноостровском, я принимаю только таких субъектов, которых надо облапошить!..

— А я думал, что это, в самом деле, ваша квартира! — процедил Грааб.

— Ха-ха-ха... Кто же не знает, что это только гарсоньерка Ивана Ивановича!

— А вы разве у меня на Фурштатской не были?

— Ни разу.

— Ну, так вот, я завтра познакомлю вас с женой... Завтра же я вам расскажу, конечно, не при жене, что я сделал с этими вещественными доказательствами...

И инженер махнул рукой в сторону Маньки и мертвой головы.

Глава тридцать четвертая

ПРОГУЛКА НА ОСТРОВА

Перепуганные немки, Спаржа и Верка-Недомерка сели на двух извозчиков и уехали.

А Жюли осталась у крыльца ждать Дормидонтова.

Когда купец вынимал тысячу, чтобы расплатиться, она заметила, как туг и толст его бумажник.

Не использовать момента невозможно: расстроенный старик, конечно, захочет забыться... Во всяком случае, если он даже поедет прямо домой, можно будет на извозчике, а еще лучше в автомобиле, полакомиться этими деньгами.

Жюли всегда действовала решительно, и, увидав проезжавший таксомотор, сделала знак рукой.

— С богатейшим купцом... Сперва поедем на острова... только не тряси... А потом по домам... Он живет: Ивановская 74... А меня спустишь на углу Николаевской и Невского... Вот он идет...

Жюли засуетилась:

— Григорь Григорч... Григорь Григорч... Я вам уж взяла авто...

Тот сначала рукой замахал.

Ему совсем не до баб.

Скорее домой, забыться, уснуть, замолить грех. И, вообще, он чувствовал себя совсем больным. Сердце так колотится. Одышка.

— Тем необходимее авто...

— Нет, с тобой не поеду... Дворник увидит с французинкой... Еще разговор будет...

— Да я шоферу сказала, чтобы он меня на Невском высадил... Разве я о себе хлопочу. Все об вас...

Грузно, нехотя, влез Дормидонтов в карету автомобиля. Захлопнулась дверца и они остались вдвоем.

— Я велела проехаться по островам. Ну, не серди меня, милый Григорч... Ты устал?.. Ну, подремли вот так... Ну, положи голову мне на грудь...

Глава тридцать пятая

В ОБЪЯТИЯХ ДЕВЫ

Как реакция после первого потрясения, Дормидонтова действительно разбирала дремота.

Здесь так уютно. Француженка так ласкова!

От нее пахнет такими дурманящими духами. Автомобиль идет так убаюкивающе-плавно.

Старик закрыл глаза и забылся. В полусне почувствовал, как женские руки обняли его шею. Сквозь сон улыбнулся и заснул.

А руки, с кошачьей лаской обвившие шею, из нежных, бархатных вдруг сделались стальными.

Как пружины капкана, обхватили шею, сдавили горло... Еще, еще и еще.

Всю силу напрягла авантюристка, чтобы не было слышно даже предсмертного хрипа...

Старик оказался сильным, кряжистым.

Отбиваясь, он головой ударил ей в подбородок... рассек губу...

Хлынула кровь и запачкала руки.

Упорство только ожесточило Жюли и она с удвоенной энергией сжимала горло.

Старик еще и еще судорожно, конвульсивно завозился, но уже не так энергично.

Силы покидали его.

Жюли чувствовала, что и ее покидают силы. Холодная дрожь пробежала по телу:

«Вдруг у меня не хватит сил... Сейчас выедем на Стрелку... Вдруг он закричит...» И, изловчившись, она засунула ему в рот рукав манти. Все глубже, все глубже... А самым манти закутала голову старика.

«Все равно, если еще не задушила, он задохнется через пять минут...»

Около пяти часов автомобиль подкатил к дому № 74 по Ивановской. Дворник распахнул дверцу. Но из кареты никто не выходил.

— Уснул, — подумал шофер.

Дворник почтительно ждал.

— Надо разбудить!..

Дворник почтительно крикнул:

— Григорь Григорьич!..

И вдруг закричал:

— Батюшки! Кровь!

Шофер выталкивал еще теплый труп купца.

Подняли тревогу.

С лестницы сбежали.

Кто-то зарыдал...

Глава тридцать шестая

РОКОВОЙ ГРОБ

Марья Антоновна даже обрадовалась, узнав о смерти мужа.

Конечно, она сумела сделать все, чтобы не дать заметить этой радости окружающим.

Горничная Даша, узнав от шофера скандальные подробности о смерти барина, рассказала все барыне. Марья Антоновна попыталась замаскировать их, не жалея денег.

Шоферу было заплачено около тысячи рублей за молчание. Это была излишняя предосторожность: он и без того рад был замять неприятный инцидент, чтобы не фигурировать в качестве свидетеля в суде.

Мария Антоновна очень боялась, как бы не сделали вскрытие тела покойного мужа.

И ей удалось получить разрешение на перевезение тела супруга, согласно завещанию, в Дормидонтово, — родное село, где похоронен и отец, и дед Григория Григорьевича.

С хладнокровием хозяйки, которая понимает, что «делу — время, а горю — час», вдова сумела распорядиться по телефону в бюро похоронных процессий, чтобы прислали как можно скорее свинцовый гроб.

Она торопилась запаять тело мужа, чтобы случайно не всплыл как-нибудь наружу факт задушения мужа: кровоподтеки на шее и сейчас ясны и с каждым днем будут яснее да яснее.

Она живо представляла себе, как в автомобиле хищная потаскушка впивалась в горло распутного старика когтями, как душила его, как потом рылась в карманах; пропал бумажник и бриллиантовое кольцо мужа.

Готовых свинцовых гробов подходящих размеров в бюро не оказалось. Только в одном бюро на Каменноостровском нашелся гроб, но такой большой, что, очевидно, будет велик.

Все-таки она велела его немедленно доставить.

Пока тело не будет запаяно, она не успокоится.

Вот почему она так торопит похоронное бюро.

— Сколько бы это ни стоило, но немедленно... Отправьте... И паяльщиков... Бальзамировать не надо... Только запахать... Сегодня же на поезд... Прямо на вокзал...

Слухи о скоростижной смерти, конечно, ходили уже вокруг; чаще всего повторяли версию о разрыве сердца.

— Кутил где-то с женщинами. Опился и в автомобиле помер.

Марья Антоновна давала понять, что она недовольна, конечно, такими сплетнями, но ничего неправдоподобного в таком объяснении не видит.

Только бы не было вскрытия, не было бы «дела об убийстве», не было бы газетной огласки их семейной жизни, в которой и без того слишком много некрасивого... Пусть дети ничего не знают.

— Только бы скорее запаять!

Она нервно ходила по спальне, ломая руки.

Наконец, послышалась возня и говор на парадной лестнице, и топот мужицких ног.

— Как есть, будто рояль втаскивают...

Четыре мужика тащили тяжелый свинцовый гроб.

Тут же набрались какие-то посторонние лица: — дворник, швейцар, хозяин похоронного бюро, паяльщик с ящиком для приспособлений, две какие-то старухи, дворников сын, прачка, сильно подвыпившая...

С трудом внесли гроб в зал, где пахло ладаном и хлором.

Марья Антоновна хозяйственными глазами осмотрела его снаружи и приказала поднять крышку.

Крышка тяжелая, массивная, герметически закрывающая последнее пристанище ее тяжелого нравом повелителя, не поддавалась сразу.

Двое возились над ней: хозяин и паяльщик, — неудобно захватить.

— Сударыня, сами изволите видеть, как хорошо пригнана крышка. Никакого духа от гроба даже без запайки не будет...

— Ну-ка, Иван Флегонов, на себя... Еще... Еще... Так, так...

И вдруг все, кто был вокруг, словно по уговору вскрикнули и, побледнев, застыли...

Крышка снята...

А в гробу — окровавленный труп женщины.

Отвратительный трупный запах ударил в нос...

Манька-Ковбойка, скорчившись, сведенная безобразной судорогой, лежала в гробу...

Паника сковала всех.

Глава тридцать седьмая

ПЕРСТЕНЬ ДОРМИДОНТОВА

Первой очнулась пьяная прачка.

Она закрестилась и заголосила:

— Полицию! Полицию!..

Дворник, услышав привычный крик, тоже пришел в себя и кинулся к дверям.

Хозяин похоронного бюро дрожал как в лихорадке.

Паяльщик от неожиданности опустил край крышки и она всей тяжестью грохнулась на ноги дворникова сына.

Мальчик заорал благим матом, заревел так, что окончательно прервал панику, и все перевели внимание на него.

— Доктора! Доктора! Мальчонке сломали ногу...

С трудом стащили крышку с ноги.

— Действительно, кажется, сломана.

Над мальчиком откуда-то взялась мать, причитая:

— Душегубы! Проклятые! Что вы сделали с моим Ванечкой... Ваня, Ваня... Соколик мой...

Марья Антоновна в каком-то оцепенении впилась взором в Маньку.

Ее поразила странная красота этой девушки.

Несмотря на сильный трупный запах, она казалась только что уснувшей.

Правая рука ее судорожно закинута за шею, словно девушка пыталась себя задушить, да раздумала.

Стриженные волосы с комками запекшейся крови придавали зловещий вид покойнице.

Марья Антоновна не могла оторваться от нее. Рассматривала с каким-то непонятным тяжелым предчувствием.

И вдруг схватила за голову:

— О-о-о-о...

И грохнулась на пол.

На пальце Ковбойки она узнала перстень мужа.

Ошибки не может быть: перстень слишком хорошо ей знаком.

Все в смятении кричали, суеились, гомонили, не знали, за кем ухаживать: за стонущей на полу барыней или за надрывающимся от боли криком мальчиком...

Не знали, оставаться ли и помогать, или бежать, сломя голову, пока не попал в свидетели по такому страшному, кошмарному делу.

Растерялся было на минуту и сам околоточный, но быстро овладел собой и спросил дворника:

— Где телефон?

Глава тридцать восьмая

ДВА С ЛИШКОМ ТРУПА

Невиданную картину застал вызванный по телефону судебный следователь.

В комнате два трупа: один на столе, другой в гробу.

И два полутрупа: на диване барыня в глубоком обмороке, а на ковре на полу мальчик, тоже почти без чувств, слабо стонущий.

Доктор метался от дивана к коврику.

У всех остальных присутствующих был такой подавленный вид, что следователь не знал, к кому обращаться с вопросами.

Ближе всех стоял гробовщик, и следователь начал с него.

— Вы хозяин бюро похоронных процессий?

— Точно так.

— Это ваш гроб?

— Так точно.

— Он сделан вами по заказу г-жи Дормидонтовой.

— Да... То есть нет...

- Говорите определеннее: да или нет...
- Госпожа Дормидонтова заказала по телефону... У меня же оказался готовый...
- Давно у вас этот гроб?
- С неделю.
- Как вы можете объяснить появление трупа девушки в гробу?
- Нееиннначе как...
- Голос гробовщика оборвался.
- Ну договаривайте, договаривайте...
- Не иначе как...
- Ну, не бойтесь... Вам я ничего не сделаю...
- Нннечистая сила!.. Не иначе как... нечистая сила...
- Старик дрожал и чуть не плакал.
- Где у вас стоял этот гроб всю неделю?
- На черной лестнице... На площадке...
- А не в магазине...
- В бюро места не было... Мы хотели убрать на склад деревянный гроб и втащить этот, да все откладывали...
- Кто вам делал этот гроб?..
- Цинковые гробы нам работает Иван Сидоров...
- Когда вы принимали гроб, вы не заметили, был ли он пуст или уже с покойником?
- Я не мог принимать гроб в закрытом виде. Я должен был посмотреть работу внутри. Наше бюро по добросовестности исполняемых заказов в Петрограде вне конкуренции. Мы особо тщательно следим не только за внешней отделкой гробов, но и за внутренней... Я сам снимал крышку и убеждался, хорошо ли она подходит к гробу... Потому что лишь в герметически закупоренном гробу есть смысл для перевозки тела в дальний путь... Нехорошо подошедшую крышку никакой паяльщик не запаяет... Эта была сделана безукоризненно...
- Вы раскрыли, затем опять закрыли гроб?
- Нет, я отлично помню, что гроб стоял открытым. Крышка была прислонена к стене. Нижний край стоял в гробу... вот так... А верхним краем опиралась в стену...

— А вас не удивило то обстоятельство, что вот гроб все время стоял открытым, а когда вы пришли его брать, он оказался закрытым...

— Нет... Я был уверен, что это сделал приказчик... мой помощник... перед отправкой он должен был привести гроб в порядок, вытереть пыль... вообще...

— Вы не обратили внимание, с каких именно пор гроб оказался закрытым...

— Третьего дня он был еще открытым. Я, помню, спускался по лестнице и обратил внимание, что кто-то бросил окурок папиросы в гроб... Я еще подумал: «Вот был бы скандал, если бы я доставил на похороны гроб, а в нем оказался бы окурок!» Но этого, повторяю, не могло случиться, потому что, отпуская товар, я всегда лично смотрю, чтобы все было исправно...

— Как же вы говорите, что не мог очутиться окурок, а на самом деле в гробу очутился целый труп... Как это понять...

— Первый раз в жизни я доверился помощнику... Меня барыня так торопила по телефону, что я понадеялся на помощника... Первый раз... Нечистая сила... И вот...

Старик беспомощно развел руками.

— Значит, этот труп в гробу не мог очутиться раньше вчерашней ночи...

— Не мог... Никак не мог...

— Вам, Иван Лонгинов, не знакома эта женщина?

Следователь показал на тело Ковбойки.

— Ничего подобного!..

— Вы не встречали у себя на лестнице, или на дворе, или на улице возле вашего магазина женщину, одетую таким образом...

— Ничего подобного!

— Припомните, быть может, у вас на дворе среди квартирнок была особа, похожая вот на эту женщину...

— Ничего подобного...

— Разверните этот сверток с платьем и предъявите Ивану Лонгинову! — сказал следователь городовому, закуривая папироску, чтобы как-нибудь отбить запах трупа.

В ногах у Маньки-Ковбойки лежал какой-то сверток, завернутый в ее юбку.

Городовой начал разворачивать и остолбенел.

— Так что... ваше благородие... трупик младенца...

Острый отвратительный запах мертвечины отшатнул всех.

— Так что... ваше благородие... разворачивать дальше?..

— Разворачивай...

— Так что, ваше благородие... это не подкинутый младенец...

Следователь сам отчетливо видел, что это — мертвая голова.

Несмотря на то, что от нее смердело невыносимо, он низко наклонился над гробом и с живейшим интересом впился в обезображенное гниением лицо...

Да, сомнения нет! Это мужская голова... Вероятно, Невзорова... И при таких обстоятельствах...

У него закружилась голова от неожиданности.

— Поднимите труп женщины... Нет ли под ним еще чего-нибудь?!..

Городовой и дворники приподняли.

— Так что, ваше благородие... тело совсем теплое.

Следователь крикнул возбужденно доктору:

— Доктор, освидетельствуйте же немедленно тело девушки...

Мальчика отправили в приемный покой больницы.

Марью Антоновну перенесли в спальню.

Доктор уже думал уходить, как вдруг — снова пригодился.

Едва взял руку Ковбойки, как сказал тоном, не допускающим возражений:

— Девушка жива! Она в глубоком, летаргическом сне. Перенесите ее на диван...

Две старухи и горничная бережно вынули ее из гроба...

Глава тридцать девятая

УБИЙЦА В ГРОБУ ЖЕРТВЫ

Очнувшись в спальне, Марья Антоновна прежде всего слабым голосом справилась:

— Где убийца?

— Какая убийца?

— Эта... в гробу...

— Убитая!..

— Убийца... Она убийца!.. Уберите ее.. Вон, вон!.. Мерзавка!.. Она убила мужа... Она задушила!..

Как раз входил следователь, чтобы допросить вдову.

Он застал ее в припадке истерии.

Она каталась по постели и кричала:

— Уберите убийцу!.. У нее кольцо мужа!.. Она задушила мужа!.. Она... проклятая... Мало того, что задушила, она и после смерти душит... Мало того, что в мой дом забралась, она еще в его гроб влезла... Вон! Вон! Вон!..

Марья Антоновна знала, что вот уже полгода Григорий Григорьевич потерял голову из-за какой-то девицы легкого поведения, и не сомневалась, что это именно она.

— Успокойтесь, г-жа Дормидонтова!.. Ваш супруг не задушен... он сам умер...

— Сам умер! — Марья Антоновна вскочила на постели.

— А вы видели, доктор, что у него на шее!.. А вы поинтересовались, следователь, заглянуть!.. Ха-ха-ха!.. Он сам умер!.. Желаю я вам такой смерти!..

И она снова заматалась в истерических причитаниях.

Ее душила ненависть к этой содержанке, которая отняла у мужа жизнь и после смерти глумится над ним, отнимая у мужа гроб!..

Доктор вышел из спальни и по собственной инициативе раздвинул бороду покойника, рассматривая кровоподтеки и ссадины.

Вернувшись, он шепнул следователю:

— Сомнений не может быть... Дормидонтов умер насильственной смертью... А на руке у девушки горничная признала кольцо барина... Тут какая-то невероятная тайна!

В голове следователя стоял хаос противоречивых догадок и подозрений.

Несомненным было только одно, что убийство Невзорова, убийство Дормидонтова и покушение на задушение этой девушки в гробу находятся в тесной между собой причинной связи.

Несомненно было и другое: что ключ к раскрытию убийства Невзорова — сенсационнейшего дела за все последние годы — находится в руках у него, у судебного следователя Степана Болеславовича Згиняцкого.

Судебный следователь потерял голову. Он уверен, что в уголовной практике целого мира не было ничего подобного.

Ни в одном самом фантастическом уголовном романе не читал он, чтобы убийца (а эта женщина из гроба, несомненно, убийца, в чем ее изобличает перстень) оказалась в гробу своей жертвы...

Да еще не одна, а вместе с мертвой головой другого убитого, — по-видимому, Невзорова.

Доктор обещает, что к вечеру неизвестная придет в себя и заговорит.

Припертый к стене дворник рассказал следователю все, что слышал от шофера.

Он не догадался записать номер шофера — это большое упущение.

Шофер сразу показал бы, эта ли женщина была с Дормидонтовым в автомобиле и указал бы, от какого дома она его наняла.

Быть может, шофер даже соучастник ее?

Интересно узнать точно, в котором часу он высадил убийцу на углу Невского и Николаевской?

Как успела она очутиться в ту же ночь на Каменноостровском в магазине гробовщика?

Могла ли она сама, спасаясь от возможных преследований, лечь в гроб и захлопнуть крышку?

Очевидно, не могла.

Следовательно, у нее есть сообщник.

Когда попала голова Невзорова в гроб Дормидонтова?

До этой женщины или вместе с ней?

Очевидно, вместе, потому что голова завернута в накидку преступницы.

Но какой смысл был преступнице прятаться в одном месте с разлагающейся мертвой головой?

Добровольно, в здравом уме и твердой памяти никакая женщина в мире не уговорила бы себя лечь в гроб с частью трупа в ногах.

Очевидно, убийца сама сделалась жертвой преступления.

Быть может, ее сообщник, желая отделаться от нее, попытался ее убить (доктор нашел у нее на теле кровоподтеки и повреждения), а потом, думая, что она уже умерла, положи л в гроб.

Но голова!

Откуда же в гробу голова Невзорова?!

Следователь терялся в догадках.

Глава сороковая

ТАЙНА СВИНЦОВОГО ГРОБА

А в это время в роскошной квартире Неберучева на Фурштатской собралось *in согроге** (хотя, конечно, без дам) то же общество, которое вчера пировало на Каменноостров-

* В совокупности (лат.).

ском: грубоватый Ефремов, пшютоватый Ван-Ливен, Платонов, Семенов, Зибельсон, Эрих, Штрамм, Святошников...

Неберучев делал доклад по интересующему всех поводу:

— Господа, в вечерних газетах вы прочли, конечно, о смерти нашего уважаемого Григория Григорьевича Дормидонтова. Бедняга не перенес треволнений вчерашней ночи. Но и за него мы не можем ручаться, что он будет нем, как могила. Сейчас мне звонил по телефону Страхов. Оказывается, существует версия, что Дормидонтов умер не сам, а его уморили. Для нас это может кончиться большой неприятностью. Боюсь, что следователь откроет последнее пристанище Дормидонтова и по горячим следам натолкнется на пикантный курьез. Дело в том, что известная вам особа, Манька-Ковбойка, и голова неизвестного вам мужчины мною положены в гроб...

— Как в гроб?..

— Что вы говорите?

Ван-Ливен брезгливо отмахнулся:

— Как так шутить!..

— Нет, господа, такими вещами не шутят... Когда вы уехали, оставив меня наедине с Иваном, Манькой и этой дурацкой головой, я принялся немедленно за сокрытие концов... Прежде всего я убедился, что девица Мария Ковбойка волею Божией помре... Таким образом, у меня на руках оказался труп женщины и мертвая мужская голова. Надо было куда-нибудь их спрятать. Я подумал, конечно, о чердаке. Вышел на черную лестницу и первое, что увидел в полупотьмах — гроб. Да, на площадке стоял громадный металлический гроб. Гроб был раскрыт. В нем, прислоненная к стене, стояла крышка, тоже металлическая. Я сразу понял, что мне делать. Я и не знал, что моя квартира задней своею частью соприкасается с бюро похоронных процессий. Это неприятное для всякого другого соседство в этот момент привело меня в восторг! Я понял, что Провидение подсказывает мне самый прямой и безопасный путь скрыть концы в воду, замести все следы. Вдвоем с Иваном, стараясь не шуметь, мы вынесли труп Маньки-

Ковбойки и положили его в гроб. Затем я закутал хорошенько проклятую голову Невзорова в пелеринку Ковбойки и положил ей в ноги в тот же гроб. Мы закрыли гроб плотной, герметически пригнанной крышкой. В таком помещении труп злосчастной девушки может пролежать не открытым до тех пор...

— До тех пор, пока не откроют крышки! — сострил Ван-Ливен.

— Господа! А вдруг этот гроб для кого-нибудь заказан! Ха-ха-ха!.. Какой сюрприз будет... Откроют, увидят, что гроб уже занят!.. — густо пробасил инженер Ефремов.

— Я вам скажу больше! — подхватил Неберучев. — Сейчас Иван мне телефонировал, что гроб с лестницы исчез... Его увезли... и знаете, для кого?..

— Неужели для Дормидонтова?!..

— Ха-ха-ха... Встретятся в одном гробу!..

— У них при жизни флирт начинался... Я сам видел, как Дормидонтов надел Маньке-Ковбойке свое бриллиантовое кольцо!..

— Какой курьез!.. Какой сюрприз!..

— Метили в отдельный кабинет, а попали в... общий гроб...

— Такова жизнь!..

— Да, господа, если вдуматься, вся жизнь состоит из того, что метишь в отдельный кабинет, а попадешь в могилу...

— Чем гроб не отдельный кабинет!

.

Глава сорок первая

ОНА СУМАСШЕДШАЯ!

Через полчаса вся эта симпатичная компания уже забыла и о Дормидонтове, и о Маньке-Ковбойке, и о мертвой голове.

Все следили за заветной девяткой...

— Жир!..

— En cartes!

— Карту!

— Карту!

— Девятка!..

— Бита!..

.

Вдруг в разгаре игры раздался резкий звонок.

Неберучев кинулся к телефону.

— В чем дело?

— Господа!.. Мы погибли!.. Манька-Ковбойка жива! И... указала на нас!

— Не может быть!..

— Господа! Бросим карты и... военный совет.

— Иван Иванович, займи председательское место!

Неберучев сперва было рассердился, но быстро овладел собой.

— Помните одно: вы все вчера были у меня на квартире, — но на Фурштатской, а не на Каменноостровском! Дам у нас никаких не было. Дормидонтова мы не ведали. Маньки-Ковбойки никто не знает! Она — сумасшедшая!..

— Мы ее и упрячем в сумасшедший дом!..

Глава сорок вторая

ЧТО ПОКАЗАЛА МАНЬКА-КОВБОЙКА

Манька-Ковбойка очутилась в тюрьме. Она никак не могла дать себе отчета в происшедшем.

Очнувшись и оправившись, она всеми силами старалась вспомнить все, как было.

Она отчетливо помнила, о чем и рассказала судебному следователю, роковую ночь.

Сперва все инженеры, Дормидонтов и девицы были в ресторане.

Тут Григорий Григорьевич ухаживал за нею и сам надел ей на палец кольцо с бриллиантом, которое, будто бы, ее изобличает.

Все девицы и сам Неберучев были этим возмущены, потому что имели сами виды на Дормидонтова.

Неберучев хотел опутать подрядчика посредством Жюли и требовал, чтобы Манька оставила старика в покое.

Манька не послушалась, и за это инженер выкинул ее из автомобиля в то время, когда они поехали докучивать к Неберучеву на личную квартиру.

На квартире Неберучева в бочонке икры как-то очутилась мертвая голова Невзорова.

Невзорова Манька знала еще по Варшаве, когда тот был гимназистом.

Головы она этой признать не может, потому что она в состоянии сильного разложения, но воскликнула: «Петя Невзоров!», потому что с пьяных глаз ей тогда голова показалась схожей.

Тут Маньке сделалось дурно и больше она ничего не помнит.

Очнулась она в приемном покое больницы.

Была ли в гробу у Дормидонтова не знает.

О смерти Дормидонтова узнала только от следователя.

Куда девалась с пира голова Невзорова, не знает.

Ни о каком бюро похоронных процессий на Каменно-

островском не имеет понятия.

Предъявленный ей гроб видит в первый раз.

С детства питает суеверный страх ко всему похоронному. Вид трупа приводит ее в ужас и дрожь.

Ни за какие деньги не согласилась бы лечь в гроб или взять в руки мертвую голову.

Адреса ее случайных подруг не знает, но можно узнать от официантов ресторана, где они часто бывают.

На какой улице помещается квартира Неберучева, куда они приехали из ресторана докучивать, не знает, потому что ехали в автомобиле, все время вздорила с инженером, была обижена им и вытолкнута на мостовую.

Если бы ей показали комнату, где появилась голова, узнала бы. Вообще, она думает, что признала бы внутренний вид квартиры Неберучева.

Она твердо помнит, что с мостовой ее поднял шофер автомобиля, на котором ехал Дормидонтов.

Со зла она рассказала Григорию Григорьевичу, как его Неберучев хочет опутать через Жюли.

Она плакала. Купец ее утешал. И тут-то надел на палец кольцо с бриллиантами.

Отчего бы он мог умереть, она не знает. Он был не особенно пьян. Страдал одышкой, но был совсем крепким.

В отдельном кабинете закинет за пояс другого молодого.

Инженера Неберучева понаслышке знает давно: о нем говорят, что сорит страшно деньгами.

Кутила с ним в ресторане в первый раз.

Глава сорок третья

ЧТО ПОКАЗАЛ НЕБЕРУЧЕВ?

На очной ставке Ковбойка очень горячилась, возмущалась, называла Неберучева негодяем, лжецом, трусом.

Допрошенный следователем Неберучев показал, что в ресторане он встретился с Дормидонтовым случайно. Их была целая компания, а Дормидонтов присоединился к ним вот с этой девицей.

Эта девица, имени которой Иван Иванович хорошенько не знает, не сводила с подрядчика глаз, подливала ему вина и все время старалась куда-то его увести.

Никто из компании не был бы против, если бы они уехали, потому что всех присутствие Дормидонтова стесняло, смущало.

.
.
.

Однако эта парочка не покидала их.

Желая отделаться как-нибудь от них, инженер предложил всей компании ехать к нему на дом, куда, конечно, дамы легкого поведения допущены быть не могут.

Тем не менее, по небрежности одного из участников пикника Манька-Ковбойка оказалась в автомобиле Неберучева.

Между ними произошел крупный разговор, и она была высажена из автомобиля. Высажена, а не выброшена.

Куда девался Дормидонтов и остальные девицы, Неберучеву не известно.

Подобрал ли Дормидонтов плачущую Маньку-Ковбойку к себе в автомобиль, Неберучев не знает.

О смерти Дормидонтова узнал только из газет.

По мнению Неберучева, Дормидонтов мог скоропостижно скончаться, так как страдал одышкой и пил неумеренно и бестолково, мешая шампанское с пивом, ликеры с водкой.

О существовании бюро похоронных процессий на Каменноостровском не знает.

Каким образом девица Ковбойка очутилась в гробу, не может и догадаться.

Думает, что смерть Дормидонтова, избиение до беспмятства Ковбойки и положение ее в гроб могли произойти на почве недоразумений между девицами.

Все эти девицы охотились за бумажником Дормидонтова и, очевидно, не ладили между собой.

Инженер высказывает предположение, что Дормидонтов был задушен, а Манька избита до полусмерти и положена в гроб кодами этих девиц, потому что на выполнение всех этих преступных замыслов у самих девиц вряд ли хватило догадки и сил, тем более, что все они были в довольно большом подпитии.

Коты (сутенеры), очевидно, положили в гроб и эту неизвестно откуда взявшуюся мертвую голову.

Голову эту инженер видит в первый раз, но уверен, что это голова Невзорова, о котором из газет знает, что он убит женой, разрезан на части любовником и рассылается по городу частями.

Была ли положена в гроб голова одновременно с телом этой девицы, не знает. Принадлежит ли эта пелерина девице Марии, известной в веселящихся кругах Петербурга под кличкой Ковбойка, Неберучеву наверное не известно.

Он думает, что коты, чтобы отвлечь подозрение от своих подруг, должны были завернуть голову в платье именно Ковбойки, которую считали мертвой.

Рассказ хозяина бюро о том, что гроб стоял на площадке лестницы раскрытым в течение нескольких дней, он считает неправдоподобным.

Не может быть, чтобы жильцы дома не запротестовали.

По черной лестнице носят помои, сваливают мусор; держать гроб на черной лестнице — неуважение к покойнику.

Иван Лонгинов не мог не поинтересоваться, пустой он везет гроб или с покойником.

Показания Марии Ковбойки в первой своей части, т. е. до момента высадки ее из автомобиля, в общем похожи на истину, хотя в деталях и грешат, что объясняется нетрезвым состоянием ее в эту ночь.

Дальше же — сплошной бред потерявшей сознание пьяницы.

— Самый лучший способ убедиться в том, что эта несчастная никогда не была и никогда не могла быть в моей квартире — очная ставка.

Пусть следователь привезет Ковбойку к нему, Неберучеву, на квартиру и предъявит ей комнаты.

Сразу будет видно, была ли она тут, знает ли расположение, ну, хотя бы зала и столовой.

На этой квартире, на Фурштатской, Неберучев живет восемь лет и все восемь лет расположение комнат не менялось.

Пусть она скажет, какого цвета обои, сколько окон, где двери...

Пусть следователь спросит Ковбойку, как же реагировала жена Неберучева на то, что в пятом часу ночи к ней в дом вваливается целая орава пьяных мужчин и женщин?

Глава сорок четвертая

ОЧНАЯ СТАВКА

Манька-Ковбойка отлично помнит, что, приглашая к себе на квартиру, Неберучев сказал: «жена сегодня не ночует дома». И сказал, что «надо захватить как можно больше дам, потому что у него в квартире есть склад закусок, вина, но нет склада женщин...»

Манька клянется, что помнит эти слова.

Она клянется, что узнает столовую Неберучева, в которой они кутили.

Она как вот сейчас видит эту комнату.

Судебный следователь терпеливо выслушивал все: он ясно видел, что девушка не могла в одно и то же время находиться и на Фурштатской, и в гробу бюро, на Каменноостровском проспекте и в автомобиле Дормидонтова на Ивановской.

Значит, она не отдает себе отчета в словах.

Или неискусно старается замести следы.

Его опасения подтвердились, когда он предъявил Ковбойке квартиру Неберучева.

— Нет, это не квартира инженера... Там в столовой ниша, окон меньше, но они шире, потолок коричневый с золотом и на стенах картины с голыми женщинами. А здесь... Нет, здесь я никогда не была... Неберучев лжет... Это не его квартира...

— А не проще ли подумать, что лжете вы! Что вы были на чужой квартире, а не у Неберучева...

Смущенная, растерянная Ковбойка, припертая к стене, в замешательстве на вопрос следователя, кто из ее подруг также был у Неберучева в ту ночь, назвала Верку-Недомерку, Спаржу, Жюли и Пашку-Апашку.

Первые три энергично отперлись.

А Пашка-Апашка, которую Манька-Ковбойка приплела сюда ни с того ни с сего, блестяще доказала свое *alibi*: эту ночь она провела в участке, так как в клубе близ цирка Модерн подралась с каким-то приказчиком.

Манька запуталась. Стала противоречить сама себе. И вот очутилась в тюрьме.

Глава сорок пятая

МЕДОВАЯ НЕДЕЛЯ

Как в чад, провел целую неделю в Ченстохове Невзоров.

У его эксцентричной спутницы не было паспорта.

Зато у него в паспорте сказано, что он женат и жена при нем.

Пришлось прописать Марию Александровну женой и брать в гостинице один номер на двоих.

Жили они как молодые; интересовались, по-видимому, всем, но на самом деле только друг другом. Их медовый месяц должен быть особенно сладок и пьян: ведь сошлись не два новичка в любви, робко нащупывающие пути наслаждения и открывающие давно открытые Америки, а два искусившихся в радостях любви зрелых человека.

Обаяние запретности, греховности, преступности ласк только разжигало хотение, и они торопились взять друг от друга все что можно.

Марья Александровна, которая кинулась Невзорову на шею из мести, давно уже забыла этот мотив.

— Неужели это любовь?

Но и любви ради любви не было.

Было наслаждение ради наслаждения.

Она не старалась даже заглянуть в душу ее Пьеро (так переделала на увеселительный лад имя Пьер Марья Александровна), не хотела заглянуть ни в прошлое, ни в будущее.

Пусть на них карнавальные маски (он зовет ее тоже Бинной, сокращенное от Коломбины), — да здоровствует карнавал!

— Пьеро и Бина! Пьеро и Бина! как это красиво, как это театрально!..

И как это оригинально, что в первый раз они поцеловались в поезде.

И как это странно вышло: не он ее похитил, а она его увозила из Варшавы от родных и знакомых, от всего мира, жены и детей.

Как-то раз, один только раз за всю неделю Петр Николаевич видел во сне себя играющим на ковре с сыном.

Мальчик был весел и радостен, но вдруг беспричинно заплакал.

Петр Николаевич начал его утешать, целовать.

И вдруг заметил, что у него плечи Бины, что у него руки, как у Бины...

Мальчик улыбнулся. И тут Петр Николаевич подумал: «Да у него Бинины глаза... И волосы Бинины... И шея, и грудь... Да, совсем это Бина!»...

Она лежит перед ним на ковре и как котенок заигрывает.

— Смотри, как я сохранила свою грудь... Какое счастье быть бездетной!..

Да, у нее все такое молодое, крепкое.

Она вовсе не худая, но все такое упругое, сильное.

— Давай поборемся! Кто кого задушит.

Она схватила его голову и прижала к себе.

Он сперва, шутя, отбивался.

А она душила не на шутку и, прижатый к ее груди, он слышал злой раздраженный голос:

— У тебя тоже есть Тина! Ты тоже будешь изменять мне!

И, задыхаясь, он проснулся.

Бина спала с такой безмятежной, сытой улыбкой.

Лиловый бантик ее ночной сорочки, как цветок, упал на грудь, молодую, крепкую, желанную.

— Какое счастье, что она бездетна!

.

Глава сорок шестая

В ЧЕНСТОХОВЕ

Ходили несколько раз в Ясногорский монастырь.

Видели скарбчик.

— По словам Дамазия Мацоха, это главная святыня монастыря.

На Петра Николаевича произвел глубокое впечатление вид в полутьме распростершихся тел молещниц.

— Почему исключительно женщины? Разве вера привилегия женщины? Разве мужчины не умеют каяться?

Есть и хорошенькие.

И над ними, над их расprostертыми униженно-ожидающими телами, занесена рука отцов Старчевских...

Несчастные!..

И все-таки Петр Николаевич завидует им:

— Верить — ах, это такое счастье...

Бина, кажется, верит. По крайней мере, она часто крестится.

— Я верю по-своему...

.

Шли на валы, откуда так хочется запеть: «Проклятый мир! Презренный мир»!..

Город там, внизу. А здесь и воздух чист и дышится иначе. И от садов доходит благоухание.

— А вот отсюда, в дни больших богомолий, отцы Старчевские говорят речи, и народ располагается вон на этом амфитеатре внизу...

.

Жили живописной жизнью.

Не до газет было.

Покупали только театральную газету.

Интересовались только собой.

Жили на острове Робинзона.

Весь мир для них умер, и они умерли для всего мира.

Деньги у Невзорова подходили к концу, но он не спешит телеграфировать жене, чтобы выслала еще, потому что не хотелось сообщать ей ченстоховского адреса.

Вообще ченстоховская поездка не должна быть известна никому.

Неужели когда-нибудь придется возвращаться!

Неужели придется скоро покидать Ясную гору, ясную Бину, милую Варшаву...

Да, на той неделе в Петрограде у него очень важное заседание...

На карту поставлены крупные имущественные интересы.

Глава сорок седьмая

ЧТО ЛУЧШЕ: ЗНАТЬ ИЛИ НЕ ЗНАТЬ?

Петр Николаевич был уверен, что если он будет на заседании, он непременно победит, выиграет.

Но какими неинтересными кажутся ему эти интересы!

И все-таки придется поехать! В Варшаве даже остановиться не придется, заберет вещи и — в Петроград.

— И я с тобой!

— Ну, конечно... Разве мыслима жизнь без Бины! Я устрою тебя в маленькой уютной квартирке, буду у тебя торчать целыми днями...

— И целыми ночами?

— И целыми ночами...

— А жена?..

— Жена у меня милый, прекрасный человек... Я ее очень люблю... И очень жалею... Я хотел бы, чтобы она ничего не знала о тебе...

— А я постараюсь, чтобы она все узнала...

— Ты этого не сделаешь...

— Сделаю!..

— Ты этого не сделаешь... Разве лучше живется вам троим: тебе, мужу и его Тине, из-за того, что вы все всё друг про друга знаете?..

— Конечно, лучше! Ведь если бы я ничего не знала, я не полюбила бы тебя... Я сошлась с тобой из мести... Ах, как хотелось мне сделать больно этому толстокожему Ваське... Мне хотелось пасть как можно ниже, стать самой публич-

ной из всех публичных женщин... И все так, чтобы он знал, чтобы он видел... И топтать, топтать его имя в грязи... Я из мести отдалась тебе... Только из мести... Ты мне совсем не нравился... Разве я знала, что так полюблю тебя!.. Пусть и жена твоя сразу узнает все... Сразу, а не в рассрочку. Узнавать в рассрочку и мучительнее и обиднее... Да, да... узнавать, что муж обманывает... Я, по крайней мере, могу сказать, что не была в роли обманутой жены... Да и я не хочу быть участницей в твоём обмане... Я не хочу, чтобы ты обманывал жену... Я не могу любить обманщика... Ты что же молчишь?..

— Я боюсь, что это ее убьет!..

— Лучше сразу убить пулей в сердце, чем каждый день выстрелом всаживать в тело по дробинке...

— Только первая дробинка будет мучительна... А потом привыкнешь...

— Ты думаешь? Нет милый Пьеро, чем дальше, тем больнее эти дробинки... А если сразу холодный душ ошпарит, потом телу даже бодрее сделается... Вот смотри: я уже утешилась! Я не только не ревную Ваську, но даже вполне на его стороне... Сейчас я понимаю, что он и не мог поступать иначе... Я полюбила тебя, но я не разлюбила и его... И жена твоя пусть полюбит другого... Ведь ты не будешь ее ревновать?

— Не буду! — сказал Невзоров, а внутри его что-то болезненно заныло.

— Воображаю, что поделывает сейчас Василий... Он...

— Он, вероятно, с ног сбился, разыскивая нас...

— А быть может, он радуется, что я наконец нашла выход из того тупика, в котором очутилась... Ты видал когда-нибудь Тину?

— Видел... мельком...

— Она хорошенькая... по-твоему...

— Это не мой вкус... но она хорошенькая...

— Не твой вкус... Моя портниха, когда ей говорю: «Это мне не нравится», отвечает: «У всякого свой вкус и своя нравственность»... Не твой вкус... Я вот, когда тебя увидела,

сразу подумала: «Он хорошенький, но это не мой вкус»... А вот вкусила и оказалось, что ты... мой вкус...

— Ты хочешь сказать, что пока человека не попробуешь, нельзя сказать, в твоём вкусе он или не в твоём...

— Я хочу только сказать, что Василия и понимаю, и оправдываю, и жалею, что так много и долго терзала...

— Как же ты теперь намерена обходиться без него... Ведь я вижу, что ты любишь его... ещё... а может быть... опять...

— Да, я люблю его... Но... это все не то... Сейчас я так охвачена тобой, что согласна добить его: выказать ему полное презрение: поехать в Петроград с тобой, даже не заезжая в Варшаву... Я знаю, что это возможно, даже маршрут короче выходит... Ну едем... хоть сегодня!..

— Завтра едем!

Глава сорок восьмая

РОКОВАЯ ГАЗЕТА

Тина все ещё жаловалась на боль в ноге и лежала в постели.

Василий читал ей вслух газеты. В особенности они интересовались делом Невзоровой.

— Что за чушь!.. Ведь он здесь... Он уехал с моей женой куда-нибудь в окрестности Варшавы...

— Бедный Вася... Твоя Пенелопа прядет свою пряжу не у себя на дому... Ты взбешен?.. Ты ревнуешь?

Кошки скребли на сердце Топилина, но он бравировал внешней спокойностью и делал вид, что даже радуется:

— Давно ей пора... Засиделась в женах... знаешь, раньше было сожалительное выражение: «засиделась в девках»... А теперь многие жены достойны сожаления, что «засиделись в женах»...

— Ну, будет о ней. Ты опять расстраиваешься и начинаешь нервничать. Читай газету...

— Что такое!.. Голова Невзорова нашлась! Что за ерунда!..

— Ну, читай, читай все по порядку!

Топилин как в чадуге читал о том, как Манька-Ковбойка признала голову Петра Невзорова, с которым была близка еще в Варшаве.

О том, как она очутилась в чужом гробу с головой Петра в ногах.

О том, как жена Невзорова и его гимназическая любовь оказались чуть ли не соседками по тюрьме.

О том, как им удалось обменяться несколько раз записками.

О том, как жена Невзорова с ужасом вспомнила, что муж ей клялся, будто первым и последним грехом его ранней молодости была девица с этим странным прозвищем.

О том, что Манька-Ковбойка подозревается в убийстве с целью ограбления купца Дормидонтова.

О том, что у нее нашли перстень...

— Ведь не может быть, чтобы Невзоров не читал этих строк! Вся Россия теперь говорит об этом процессе! Ну, а раз он прочитал об аресте своей жены, разве мог не помчаться сломя голову в Петроград...

— Ха-ха-ха!.. И твоя Пенелопа с ним!..

— Не может этого быть! — гневно крикнул Василий.

— Ага! Тебя разбирает!.. Ну что же, поезжай и ты вдогонку!.. А меня, больную, брось здесь... Тебя хватит на это!..

Глядя волосы Тины, Василий задумчиво-мечтательно молчал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТАЙНА ГЕНЕРАЛЬСКОЙ ДАЧИ

Глава первая

ЕЩЕ СУТКИ

— Сегодня медовая неделя подходит к концу! — сказала Марья Александровна, подойдя к окну вагона.

— А мы подъезжаем к Петрограду!

— Медовая неделя! Неужели только неделя!

— Но она стоит медового месяца! Даже медового года!.. Как в осажденной крепости месяц считается за год... Да, мы объявили себя на положении об усиленной... Нет, даже на положении чрезвычайной... чрезвычайных поцелуев... Ну когда это было, чтобы я целую неделю не читал газету!

— Ты, конечно, рвешься к семье...

— Совсем напротив. Я хочу подарить себе еще сутки... Мы остановимся в Европейской гостинице или в Эрмитаже... Я пропишу тебя женой... Мое заседание в четверг, а сегодня вторник... Целые сутки мы отдохнем.

— Знаю я этот отдых, от которого еще больше устает!.. Но неужели мы никуда не пойдем? Приехать в Петроград для того, чтобы торчать взаперти и бояться встречи с твоей женой! Ты для этого меня сюда привез?!..

— Милая... мне только сегодня и завтра хочется провести инкогнито... Разве это не забавно?.. Как в уголовных романах... Впрочем, если хочешь, мы можем поехать куда-нибудь... где я не рискую встретить кого-нибудь из друзей или знакомых...

Невзоров ловил себя на непонятном, неприятном чувстве: ему было тяжело возвращаться домой.

Как он посмотрит на детей?

Что он скажет жене?

Рассудок говорил:

— Разве произошло что-нибудь особенное? Разве я стал любить от этого жену меньше? Произошло то, что происходит во всех романах, рассказах, драмах, комедиях — я любил еще одну женщину... Так делают все.. Жена должна

это понять и примириться, как примиряются все... Институт брака давно уже явочным порядком изменен. И вообще...

А в душе что-то протестовало:

— Я разбил счастье семьи ради личного счастья. Разрушил годы семейной тихости ради бурных восторгов одной медовой недели...

Марья Александровна, напротив, возмущалась искреннейшим образом:

— Неужели меня, в самом деле, он хочет прятать от жены!.. Посмотрим!.. Нет, голубчик, это не пройдет!.. Я приду к его жене и расскажу все...

Глава вторая

ЖИВОЙ ТРУП И ДВЕ ЕГО ЖЕНЫ

Паспортист взял у старшего дворника документы и вскрикнул на весь участок:

— Иван Николаевич!..

— Что с тобой!..

— Иван Николаевич, ущипните меня!.. Я или сплю, или еще после вчерашнего пьян!..

— Ты, брат, и после вчерашнего, и после третьего дня и вообще всегда пьян... Я не знаю, зачем так орать...

— Да вы посмотрите на этот паспорт... Сами закричите...

Околоточный взял паспортную книгу и вслух прочитал:

— Петр Николаевич Невзоров... потомственный дворянин... Ну, что же из этого? Мало ли на свете дворян Невзоровых...

— Так ведь Петр Николаевич...

— Ну так что же... Вон у нас в участке два Семенова и оба Иваны Никифоровичи... И даже не однофамильцы!..

— Да вы читайте дальше!..

— «Время рождения 15 мая 1879 года... Вероисповедания православного... Место постоянного жительства... Петроград... Женат первым браком на девице Лидии Львовне, урожденной Буйносовой...»

— Да, ведь убийцу-то Невзорова, жену-то его Лидией Львовной зовут... Я — сам в газетах читал, что она дочь полковника Буйносова!.. А у полковника Буйносова в поварах был дядька моей Марьи Михайловны...

— Что ты брешешь.... Лидия Невзорова сидит в тюрьме...

— Вот то-то и оно! Как же я пропишу, когда собственник паспорта убит! Значит, этот паспорт Невзорова кем-то похищен...

— Ну какой же дурак будет предъявлять в Петроград, где все кричат о деле Невзоровой, паспорт ее мужа!..

— Этот дурак не один... С ним дама, которую он выдает за свою жену и хочет прописать под именем Лидии Невзоровой!..

— Сенсационное преступление!.. Звони скорей помощнику!.. Их надо преследовать, пока не поздно!..

Глава третья

НА СТРЕЛКЕ

В закрытом автомобиле Петр Николаевич и Марья Александровна поехали на острова, на Стрелку.

Избалованная Варшавой и ее окрестностями, утомленная железной дорогой и медовой неделей, Бина не восхищалась ничем.

Скоро она задремала, склонивши голову на плечо возлюбленного.

А он ехал, полный самых противоречивых настроений.

Ему вспоминались поездки на Стрелку с Лидией, когда она была еще невестой.

Часами бродил, любуясь закатом.

Так безмятежно и ясно все было.

Так радостно было это вспоминать...

А то вдруг делалось так тоскливо, так обидно... так жалко Лидию... и себя, — того чистого себя, которого больше нет.

Как это случилось...

Зачем Бина вошла в его жизнь?

Зачем они хотят завтра же, с места в карьер, отравить жизнь и Лидии: прийти и рассказать ей все, все, все...

Эта Бина какая-то истеричка...

Бывают случаи, когда ложь благородней правды, и нужнее, и чище, и святее.

Такой ложью является обычная ложь супругов, старающихся скрыть друг от друга свои измены, оставить друг друга в счастливом неведении.

Счастье именно в неведении, а не в ведении.

Разве Бине мало ее собственного опыта?

Ее муж уже устроил это «несчастье втроем», от которого она бежала.

Она хочет исправить его основную ошибку: неравенство двух жен Василия.

Ну разве может быть у нее, женщины воспитанной, образованной, с тонким вкусом и утонченными взглядами, что-нибудь общее с этой девицей из цирка, кафешантана, оперетки, — невоспитанной, необразованной, грубой и кричаще безвкусной?

Она пробовала сближаться с ней, но после такого дня сближения они стали еще дальше друг от друга.

Тине все время казалось, что жена играет роль барыни, а ее хочет сделать какой-то экономкой.

Марье Александровне, напротив, казалось, что Василий относится к Тине с явным предпочтением, а жену третировать и только терпит.

Здесь же, судя по всем данным, жена Пьеро во всем не ниже Марьи Александровны.

Глава четвертая

ПРОРОЧЕСКИЙ СОН

— Я решила предложить ей жизнь втроем. А в случае отказа... я ее вызываю на дуэль. Все равно на какую, на простую — рыцарскую, или на американскую. Я предложу ей выбрать из двух чашечек кофе: одна будет с отравой. Мы дружно выпьем и одной из нас не станет... А вдруг она откажется. Ведь у нее дети... Ну что такое дети... Детей я возьму на воспитание к себе... Я их воспитаю так, что Пьеро будет гордиться ими... И все-таки... а вдруг она откажется!.. Тогда я ее убью!.. Я подкараулю ее где-нибудь и всажу пулю в грудь... И его убью, если он будет противиться моим планам, если окажется, что он жену любит больше меня... О, я покажу им... Недаром я умею стрелять... Надо было бы давным-давно убить Василия... Но...

Так думала Марья Александровна, засыпая на плече Петра Николаевича в автомобиле.

И ей снилось, что она за кем-то гонится с револьвером в полутемной комнате.

Вот его труп грохнулся на пол...

Вот пришли ее арестовать...

Надевают кандалы...

Везут в тюрьму..

Кто-то сильно обнял ее и втаскивает по лестнице.

— Я не хочу в тюрьму! — крикнула Бина и проснулась.

— Мы приехали... Тебя в автомобиле укачало... При чем тюрьма...

Пока они высаживались из каретки и расплачивались с шофером, два подозрительных глаза следили за ними из-за угла.

Шпик, переодетый в костюм коридорного гостиницы.

После прогулки и Петра Николаевича тянуло ко сну.

Электричество еще не погашено, — значит, еще нет часа.

Сейчас начнется белая ночь.

Неужели Бина проспит первую белую ночь в своей жизни...

Глава пятая

БЕЛАЯ НОЧЬ

Коридорный помог им снять верхнее платье.

— Можете уходить! — отпустил его Невзоров.

— Извиняюсь... как прикажете записать барыню?..

— Что за вопросы... женой!..

— Извиняюсь... но требуется имя и отчество.

— Мария Александровна... — он запнулся: — Невзорова. Да ведь я же вам отдал еще утром паспорт...

— Паспорт в участке...

Проснувшаяся Мария Александровна делала ему знаки глазами.

— Как Мария Александровна!.. Ведь в паспорте Лидия.

— Ах, да!.. — засмеялся Невзоров. — Ну, да это пустяки... Простая формальность.

Коридорный копался у умывальника, не обращая внимания на мимическую сцену господ.

— Можете идти...

Коридорный сделал два шага к двери и вернулся.

— Извиняюсь...

— Что еще вам...

— Извиняюсь... А не родственник вам будет инженер Невзоров...

— Я сам инженер Невзоров...

— Извиняюсь... Я спрашиваю про убитого...

— Я сейчас засну, как убитый...

— Извиняюсь... Так вы не родственник...

— Ни о каком убитом инженере Невзорове я не слыхал...

— Как же не слыхали?!.. Дело такое громкое, а вы не изволили слыхать...

— Повторяю вам, что ни о каком другом инженере Невзорове я не слыхал...

— Извиняюсь... Быть может, вам знакома Лидия Львовна Невзорова!..

— Это моя жена...

— Извиняюсь... Как вы изволите говорить?

Невзоров спохватился:

— Вот моя жена Лидия Львовна...

— Извиняюсь... Лидия Львовна Невзорова сейчас сидит в тюрьме...

— Вы с ума сошли...

— Извиняюсь, если огорчил известием... Лидия Львовна сидит в тюрьме за убийство мужа...

— Что вы говорите за чушь... Вот Лидия Львовна...

— Извиняюсь, но это Мария Александровна... А Лидия Львовна убила Петра Николаевича Невзорова... инженера... и рассылала его труп по частям по городу...

— Ах! — вскрикнула Марья Александровна. — Какой ужас!.. Что же ты мне не говорил, что в Петрограде у тебя есть...

Она оборвала фразу, не договорив, пораженная внезапным мраком.

Глава шестая

ВО МРАКЕ

Потухло электричество, — в номерах оно тухнет ровно в час.

Наступил жуткий момент.

Впотьмах в одной комнате остались втроем, храня гробовое молчание, сыщик, Невзоров и Топилина.

Сыщик опустил руку в карман.

Он был уверен, что самозванец Невзоров — большой уголовный, а может быть, и политический преступник и не шевелился, боясь, что лже-Невзоров будет стрелять.

Невзоров и Топилина молчали, пораженные темнотой слов коридорного и темнотой номера.

Вдруг молчание прорезал чей-то чужой истерический крик:

— А дети! Где мои дети!..

Это кричал не своим голосом Невзоров.

На крик распахнулась дверь, вспыхнуло снова электричество, и в дверях показалась полиция и понятые.

— Господин Пржездецкий, я имею предписание вас арестовать...

— Это недоразумение!.. Я не знаю никакого Пржездецкого...

— Петр Николаевич! Успокойся! Тебя принимают за известного в Варшаве вора и шулера Пржездецкого... Он действительно похож на тебя! — Мария Александровна овладела собой и даже улыбнулась.

— Ваша дама благоразумнее вас. Она сознается, что знает Пржездецкого...

— Еще бы не знать! — засмеялась Мария Александровна. — Мы с мужем заработали на нем свыше трехсот рублей...

Она вспомнила, как все в редакции острили над Василием: «Не с чего, так Топилин с Пржездецкого»...

— Популярность Пржездецкого во многом обязана моему мужу...

— Но я, клянусь вам, в первый раз слышу эту фамилию!

— Господин Пржездецкий! Запираться бесполезно!.. Постарайтесь объяснить, каким образом попал к вам паспорт покойного Невзорова...

— Хо-хо-хо! Это смешно... Да, я жив... Я — Невзоров...

— Вы будете упорствовать, что вы убитый Невзоров, а эта дама, сидящая в тюрьме, Лидия Невзорова...

— Мне кажется, я сплю... Клянусь вам, что я инженер Петр Николаевич Невзоров, ездивший в Варшаву в командировку. Я виноват только в одном, что прописал моей женой мою добрую знакомую Марию Александровну Топилину... В Петрограде у меня много знакомых, из которых каждый может подтвердить, что я Невзоров, а не Пржездецкий... Сейчас поздно, но я попрошу вас позвонить 717-17... Там вам дадут обо мне самые точные сведения...

Помощник пристава пошел к телефону.

Глава седьмая

717-17...

Через пять минут он вернулся.

— Ну, что? Вы удовлетворены?

— Я нахожу с вашей стороны это издевательством над полицией...

— Почему издевательством?..

— Чей телефон вы дали?..

— Моего лучшего друга, занимающего видное положение...

— Вы мне дали телефон... Теремовского...

— Ну да... Это мой лучший друг...

— Это любовник Лидии Невзоровой!..

— Позвольте!..
— Не ломайте дурака!..
— Что он вам ответил?.. Он ничего не ответил?.. Его нет дома?

— Он в тюрьме...
— Как в тюрьме?!..
— В тюрьме по делу об убийстве Невзорова, паспортом которого вы хотели воспользоваться... Но всевидящее око петроградской полиции не допустило этого... Сорвалось... И вы и ваша дама пожалуйста в ту же тюрьму, где сидят Невзорова и Теремовский.

Невзоров зашатался и чуть не упал.

Ему вспомнилась зловещая телеграмма жены.

Огненные буквы прыгали в глазах:

«Страшное несчастье. Немедленно приезжай».

Глава восьмая

ПРЖЕЗДЕЦКИЙ ИЛИ НЕВЗОРОВ?

Редактор сказал Топилину, что кто-то видел Марию Александровну на Варшавском вокзале.

Она приехала с каким-то господином, по приметам весьма похожим на субъекта, которого Василий выдал редактору за Невзорова и который оказался вором Пржездецким.

Василий в ответ расхохотался.

— Вы это серьезно?

— А разве я похож на шутника? Вот на вас я действительно удивляюсь. Мы все знаем вас за болтуна. Но чтобы наболтать столько, сколько вы про этого несчастного Невзорова... И почему, в самом деле, вам понадобился для вашей шутки именно Невзоров!..

— Ха-ха-ха! Так вы в самом деле уверены, что я вас мистифицировал?!..

— Так не знакомили же вы меня с живым трупом! Пока мы тут болтали с «Невзоровым», настоящего Невзорова в Петрограде рассылали кусками по разным адресатам... При чем себе на память мадам Невзорова оставила только ногу мужа...

Топилин вспыхнул:

— Извините... Но вы городите чушь!.. Я Невзорова знаю с гимназической скамьи... Это он... Я занял у него 50 рублей!.. Какого еще доказательства нашей дружбы надо!..

— Тогда, значит, Пржездецкий — псевдоним Невзорова... Или Невзоров — псевдоним Пржездецкого... как бы то ни было, а лицо, которое мне передавало, не станет шутить. Ваша жена в Петрограде...

— Да, она уехала к сестре! — соврал Топилин. — И сам я собирался туда, потому что сестра при смерти... Я вам говорил, что у меня в Петрограде очень богатая сестра. Мари ее любимица... и я тоже... Если сестра умрет, чего искреннейшим образом не желаю, я буду богатым человеком... И не только заплачу аванс, но и сам войду пайщиком в ваше дело... Да, я давно об этом мечтал... Быть соиздателем...

— Ну, что же... Богатейте... Но все-таки я вам по советам говорю... Какая-то связь у вашего Невзорова с Пржездецким есть...

— Вот если вы мне дадите командировку, я открою такие сенсационные вещи, что вся Россия содрогнется!.. Я докажу, что убит не Невзоров, что арестован не Пржездецкий, что жена Невзорова жертва глупого стечения обстоятельств... Дайте мне на дорогу сто рублей и я привезу вам сто тысяч!..

— Почему не двести!.. Ха-ха-ха!..

— Потому, что кроме меня есть и еще наследники...

— Ну и бестия же, вы Топилин... Топите меня в омуте неоплатных авансов... Подо что только я вам не давал авансов: и под зуб, и под слепую кишку, и под сломанную ногу Тины, и под Эмира Бухарского...

.

Глава девятая

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ТИНЫ

Топилин получил деньги.

— Немедленно ехать в Петроград.

А Тина?

Как бросить ее одну?

Взять с собой?

Но, тогда, как же быть с женой?

Втроем она не вернется в Варшаву...

Он не верил, а чувствовал, что жена уехала с Невзоровым в Петроград.

Так бывает: не веришь, потому что боишься верить, а чувствуешь, что это так!

.

Пришли петроградские вечерние газеты и Топилин впился в подробности заметок об аресте Пржездецкого, о его самозванстве, о самозванстве его дамы, которая сперва назвалась Невзоровой, а затем... женой варшавского литератора Т.

Руки задрожали у Василия.

Он выронил газету и... бросился к телефону.

— 222-11... Барышня, 222-11...

— Это ты, Тина?

— Это я, барин...

— Позовите барыню...

— Барыня еще не возвратилась...

— Откуда!.. Где она?..

— Как уехали в клуб, так и не возвращались...

— Как!.. Первый выезд из дома и в клуб!..

— Они так сказали...

Опять какое-то черное предчувствие закрыло сердце.

Ненавидел Топилин клуб, — ему очень не нравились те знакомства, которые заводила там Тина, — конечно, с дамами, с кавалерами она, по ее словам, не знакомилась.

А главное: как смела она первый выезд после болезни направить в клуб, — в душные, накуренные залы, в давку насыщенных азартом и развратом разгоряченных тел.

Надо позвонить Немецкой, не у нее ли Тина...

Глава десятая

В ИГОРНОМ ДОМЕ

— Алло... Это вы, Берта Антоновна?

— Я... Кто говорит?

— Ваш друг Топилин...

— Вася, вы?.. Ну, а что с Тиной?

— Я сам вас хотел спросить об этом...

— Как так?..

— Где Тина?

— Да разве ее нет дома?..

— Она вчера выехала в клуб и до сих пор не возвращалась...

— Тина!.. Не может быть!..

— Я потому и звонил вам, что вы каждый день бываете в клубе... Разве вчера не были?..

— Была...

— И видели Тину?..

— Видела Тину... Она сперва много выиграла, потом много проиграла... А потом...

— Что потом?!..

— Ей сделалось дурно... И...

— Говорите, договаривайте же все!.. Где она?

— Не знаю...

— Когда вы с ней расстались?

— Часа в два... Когда ей сделалось дурно, ваш Грондэ ей предложил свой автомобиль, чтобы довезти до дома...

— Какой Грондэ?..

— Ваш друг детства... Тина говорила, что это ваш лучший друг...

— Вы шутите... Никакого Грондэ я не знаю...

— Больше я ничего не знаю... и ничего не скажу... И так, кажется, выболтала много лишнего... Если не ваш друг этот Грондэ, так он ее друг... Они все время играли вместе, он с ней был предупредительно нежен... В клубе он в первый раз... Торопитесь, пока не поздно... Бедный Вася...

В тоне Немецкой слышалась ирония.

Хотя она и считалась подругой Тины по сцене, но всегда завидовала ей и старалась, где можно, ей напакостить.

Глава одиннадцатая

ГОСПОДИН ГРОНДЭ

Тина очнулась в автомобиле на руках у этого ласкового господина с актерским бритым лицом и безукоризненной французской речью.

Она только что познакомилась с ним у «золотого стола» в клубе.

Она жадно протянула руку к золотым, выигранным ею, и нечаянно уронила две-три пятишны.

Кинулась поднимать, головой ударилась об руку соседа, тот от удара тоже выронил пригоршню золотых.

Их взгляды встретились.

— Не беспокойтесь... Золотые разбежались. Человек поднимет...

Игроки не обращали внимания на уроненные деньги и продолжали ставки, мешая лакею собирать золотые.

Незнакомец мило улыбнулся и сказал:

— Не беспокойтесь, сударыня. Лакей по окончании игры соберет. Для него это будет приятная находка...

— А для меня, — искренне воскликнула Тина, — неприятная потеря!..

— Вы сколько потеряли?

— Право, не знаю?

— Вас устроят десять кружочков?

Незнакомец протянул Тине десять десятишен.

— Что вы?.. Это слишком много...

— Ну вот, пустяки... Ведь я тоже не знаю, сколько я уронил... Наша потеря — общая потеря... И мы должны поделиться... Давайте играть сообща...

Он сказал это так просто, и так мило улыбнулся.

— Вам сегодня, кажется, везет... А мне нет... Вы поделитесь со мной вашим счастьем.

И вдруг Тине стало так смешно, так смешно, что она от смеха чуть не разрыдалась.

— Человек... Воды...

Он подал ей воды, увел от стола в библиотеку.

Представился.

— Грондэ... Эдмонд Грондэ... Эдмонд Эрастович...

из

А через полчаса Тина объяснила удивленной Немецкой, что ее кавалер — друг детства ее Василия, и что вообще...

Потом она сама не помнит, как ей стало дурно...

И вот она в авто, на руках Грондэ.

Глава двенадцатая

ПОХИЩЕНИЕ ТИНЫ

Светает. Свежо.

— Где мы? Куда едем?

— Молчите... Вам вредно говорить...

С ужасом, в дверцу автомобиля, Тина видела деревья, дачные постройки...

— Вы едете ко мне на дачу... Грондэ не сделает вам никакого зла...

Тина схватила его за руку.

— Не надо! Не смейте! Не хочу!..

По дороге шла какая-то девица с книжкой. Тина хотела ей крикнуть.

Но Грондэ устами зажал ей рот и стал покрывать поцелуями.

Убийственная мысль пронеслась в голове Тины.

— Что будет с Василием, когда он узнает, что она исчезла!

Она стала судорожно отбиваться. Но стальные руки Грондэ сжимали ее. Поцелуи впивались в губы, как раскаленное железо.

Глава тринадцатая

СТРАШНОЕ ПРИЗНАНИЕ В АВТОМОБИЛЕ

Тина задыхалась, Тина билась, как истеричка, Тина глухо стонала...

— Молчи, женщина! Из рук Пржездецкого еще не ушла ни одна женщина!..

— Пржездецкий! Стась Пржездецкий!.. — Тина поняла, что борьба немыслима и покорно склонила голову, и беспомощно откинулась на подушки автомобиля...

— Так Грондэ и Пржездецкий — одно и то же лицо!..

Ее спутник, довольный эффектом, который произвели его слова, глядел на нее властным, страшным взором.

— Боже! Все погибло! Только чудо меня может спасти...

И вдруг чудо совершилось.

На повороте автомобиль с размаху налетел на дерево и...

Глава четырнадцатая

ЭММА КОУТС

Встав, как всегда на даче, в шесть часов, мисс Эмма Коутс совершала по парку утреннюю прогулку.

В руках у нее томик «Magasin'a». Но вовсе не хотелось читать. Хотелось дышать чистотой этого чудного утра.

Хотелось одной покататься, покачаться в лодке...

Хотелось подышать одной, пока не встали ее милые, но все-таки, в конце концов, утомительные воспитанницы. Они встают в десять. В ее распоряжении целых три часа. Можно вдоволь намечтаться о Джоне Крафте, который с родины пишет нетерпеливые письма.

«Подожди, милый Джон! Скоро, совсем скоро! Еще вот это лето и еще одна зима в этой холодной и скучной России... А уж весной можно будет и свадьбу отпраздновать».

У нее будут как раз те три тысячи русских рублей, чтобы заработать которые она и приехала в Россию.

Почему в Варшаву? Говорят, в Петрограде лучше платят.

Но и в Варшаве, право, недурно. Семья генерала такая милая.

Девочки ее полюбили.

В особенности младшая...

Мальчик... впрочем, он уже не мальчик, этот Витя.

Бедный, он влюблен в Эмму.

Он часами исподлобья, молча, смотрел на нее.

Стал таким скромным, молчаливым.

Только тогда и разгорается, когда она с ним заговорит.

Бедный мальчик, он знает, что у Эммы на родине жёних.

Первые письма к Джону уходили под его руководством: он писал адрес на русском языке.

О, теперь Эмма сама умеет писать на русском...

За три-то года!..

Генерал тоже всегда очень мил с нею и... даже иногда чересчур мил... Но не забывается.

Генеральша, бедная старая развалина, тоже совершенно доверилась ей.

Вот теперь она с мужем уехала в Карлсбад, и весь дом на мисс держится. То есть не дом, дом остался в Варшаве на попечении Казимира, а дача вся на ее руках...

Генеральша, может быть, больше и не вернется...

Она очень, очень плоха. Особенно ее расстроил этот разгром зимой. Шутка ли сказать, одних бриллиантов украли тысяч на тридцать.

В газетах целую неделю писали:

«Разгром у генерала Чибисова».

Все сыщики Варшавы подняты были на ноги.

Все полицейские собаки перебивали в квартире. Но разве в городе, где к услугам вора трамвай, автомобили, извозчики, трудно замести следы!

Вор воспользовался вечером, когда вся семья была в театре...

Мисс Эмма шла по аллее, размечталась и чуть не попала под мчавшийся навстречу автомобиль.

Ей показалось, что в карете автомобиля кто-то глухим голосом что-то крикнул.

— Вероятно, испугались за мою судьбу...

Она посмотрела вслед уносившемуся бенцу:

— Какой шикарный авто... и так мчится, так рано... Кто-нибудь из дачников покутил всю ночь и спешит домой из города...

Только отвернулась, как вдруг раздался нечеловеческий крик.

Оглянулась и — сразу поняла все.

— Опять на том же месте... И в прошлом году была такая же катастрофа! Как раз у самого озера!..

Она побежала к месту крушения. Кроме нее, туда бежал какой-то рабочий с пустой тачкой, шедший на работу.

Глава пятнадцатая

КАТАСТРОФА

Автомобиль лежал на боку.

Кузов его забрызган кровью и мозгом шофера.

Несчастный с раскроенным черепом бился в предсмертной агонии, даже не стараясь сбросить с себя придавившую его тяжесть.

Дверцы каретки разбиты и из них недвижно торчали мужские ноги в шикарных лакированных туфлях.

Ноги не подавали признаков жизни.

Очевидно, удар моментально оглушил и лишил чувств их обладателя.

Мотор еще работал. Колеса вертелись.

Но их бесцельные движения на воздухе и на земле представляли кузов только вздрагивать нервно, неровно, судорожно.

Рабочий и Эмма почти одновременно подбежали к месту крушения.

Из каретки слышались слабые женские стоны.

Словно сговорившись, энергичная англичанка и черно-рабочий стали отламывать дверцу и освобождать полутрупы Тины и Пржездецкого от их объятий.

В ужасе смерти вцепились и застыли.

Тина, освобожденная от обломков, бережно положена на землю.

Рабочий загляделся на ее красоту и, не будь посторонних свидетелей, Бог знает что мог бы сделать с несчастной.

Но энергичная Эмма командовала им, не давая опомниться.

Полиции нет.

В такой ранний час еще все на дачах спят.

Да и место глухое.

Ближе всего дача Чибисовых.

Бережно уложив Тину на тачку, положив под голову подушку автомобиля, Эмма приказала везти к ним.

За паном рабочий вернется еще раз.

Нельзя терять времени.

Дома есть маленькая аптечка.

Глава шестнадцатая

ДРАГОЦЕННОСТИ ПРЖЕЗДЕЦКОГО

У Ванды золотые руки, если она захочет, она может управлять, и несчастная будет жить.

Она слабо стонет, но видимых повреждений нет.

Пан — другое дело.

У него, кажется, перелом руки, да и крови он потерял много: стекло дверцы рассекло ему висок, впилося в него.

А может быть, и еще что-нибудь повреждено.

Опасно его оставлять одного.

Тем более, что у него такая массивная золотая цепь и часы золотые вывалились... и бумажник толстый — тоже в крови...

Опасно оставлять...

Разве взять с собой все драгоценности...

Какие крупные бриллианты в запонках... И кольцо с сапфиром...

Да, да... если оставить его в соблазне всех этих драгоценностей, первый прохожий ограбит и убьет... если он уже не мертв...

Эмма твердо решила взять с собой часы, кошелек, драгоценности...

Она заметила, что и рабочий, освобождая девушку от объятий пана, смотрел на золото и камни с такой алчностью.

Если она пошлет его одного за паном, он все равно не привезет.

Снимет драгоценности и скроется.

— Я должна их спасти для пана, если он останется жив. Или для нее, для этой красавицы-панн... О, она-то будет жить несомненно.

Она спрятала в карман часы и цепочку с брелками...

Глава семнадцатая

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ

Но едва Эмма вторично наклонилась над полутрупом Пржездецкого, как потеряла сознание от ошеломляющего удара в висок.

Это рабочий, бросив тачку, с яростью тигра прыгнул на нее.

Такой наживы Войтех Хрщон не упустит.

— Ишь, чего захотела! Такие случаи подвертываются раз в жизнь! Войтех Хрщон никогда в жизни ни грабил. Но если уже на его глазах даже панночка, такая красивая и нарядная, не удержалась от грабежа, ему, мужику, и сам Бог велел.

Он сбил англичанку с ног, схватил обломок автомобильной двери, уже размахнулся им, чтобы разmozжить ей череп, как вдруг покачнулся...

Раздался неожиданный выстрел и из-за кустов показалась голова юноши в гимназической фуражке..

Витя Чибисов сегодня рано оседлал своего стального коня и отправился вслед за обожаемой девушкой.

Он понимал, что Эмма Коутс ему не пара.

Она и старше, и умнее, и самостоятельнее его.

Он только гимназист шестого класса.

Второгодник.

По-английски говорит и пишет.

А из русского — два!

Виктор понимал, что он — ничтожество.

Что у него нет ни одного шанса на успех.

Ведь этот Джон, которому в неделю два раза шлет свои чудесные письма Эмма, через год — капитан.

Эмма показывала ему его портреты.

Красавец-мужчина, — бронзовый, крепкий, смелый, благородный.

Виктор понимал все это, но не мог от себя отогнать навязчивой идеи.

С каждым днем мрачная мысль становилась мрачнее.

Он знал, чем все это кончится.

На первой странице его записной книжки уже стояла четко выведенная надпись:

«В смерти моей прошу никого не винить».

Уже две недели, как Виктор не расставался с револьвером, взятым из коллекции отца.

У него не хватит духа покончить с собою сразу, — раз навсегда.

Но мысль об этом не покидала его ни на минуту.

Вот и сегодня он выехал, чтобы издали следить за милой Эммой, и — на всякий случай револьвер, заряженный на шесть зарядов, захватил с собой.

Это его лучший друг.

Он меня поймет и в самую трудную минуту жизни поддержит!

Виктор выехал из дома значительно позже Эммы.

Он не видал самой автомобильной катастрофы, но попал как раз в момент, когда разъяренный алчностью тачник бросил тачку с Тиной, кинулся на Эмму и сшиб ее ударом в висок.

Виктор выстрелил, и тачник повалился наземь, даже не вскрикнув.

Бросив велосипед, сквозь кусты и деревья, дрожа от предчувствия чего-то рокового, Виктор напрямик бежал к своей ненаглядной.

— Поздно! Она без движения лежит.

Он припал к ее груди.

Сердце не бьется.

— Какой ужас! Стоит ли теперь жить!..

И, не отдавая себе отчета, юноша сунул в рот дуло револьвера и окровавленный упал к ногам девушки.

.

На выстрел прибежали лесники. Никогда еще судебному следователю не приходилось иметь дело с такой неразберихой.

Кто кого убил?

Глава восемнадцатая

ТАЙНА ДАЧИ ЧИБИСОВЫХ

На даче Чибисовых настоящий лазарет.

Выписаны из города две сестры милосердия.

Маленькие девочки — Женя и Леля превратились в их помощниц.

Рана Виктора, к счастью, не смертельна.

Его уже вывозят в качалке в сад и бледный, как призрак, мальчик не сводит больших очарованных глаз с бледного, как призрак, лица Эммы, с бесстрастным равнодушием греющейся на раскаленных ступенях каменной лестницы, ведущей в замок-дачу генерала.

Ей все зябко, ей все страшно, она то вздрагивает, то жутко оглядывается, чутко прислушивается.

Подле на кресле засыпает строгая и стройная старуха Анна Ивановна, генеральша Чибисова, мать Виктора.

Генерал, получив телеграмму, немедленно выехал в Варшаву и взял больную жену с собой; не мог же ее такую беспомощную бросить.

Она очень слаба, все засыпает и, кажется, не отдает себе отчета в происходящему

Рядом с ней, тоже на кресле, устала свои большие прекрасные глаза куда-то вдаль, в одну точку, Тина.

Вся забинтованная, она медленно, но верно поправлялась.

Иногда вставала без посторонней помощи, делала несколько шагов по саду, подходила к клумбе, равнодушными глазами смотрела на цветы, вдыхала их озонирующий аромат и все думала, думала, думала, что-то стараясь вспомнить.

И не могла.

Генерал от неожиданностей и неприятностей тоже занемог и слег в постель.

Он не мог ничего понять во всей этой истории.

Следователь рассказал ему невероятные вещи.

Он застал на месте крушения автомобиля труп шофера с раздробленным черепом, труп чернорабочего с огнестрельной раной в груди, со слабыми признаками жизни тело какого-то незнакомца, по-видимому, богатого человека, с лицом, обезображенным стеклом автомобиля, с переломанной рукой.

Его немедленно отправили в больницу. Он, если и выздоровеет, навеки лишится разрезанных осколками стекол обоих глаз. Рана Виктора очень опасна. Но пуля вылетела, операции не требуется. Бог даст, мальчик выживет.

Легче других отделались обе девушки. Одну в бессознательном положении и со слабыми признаками жизни следователь застал на тачке чернорабочего.

Это, очевидно, подруга или жена владельца автомобиля.

Гувернантка Чибисовых при падении обо что-то твердое получила жесточайший удар в висок.

Удар был настолько силен, что мог бы уложить на месте, но, к счастью, поля шляпки умили его опасность.

Глава девятнадцатая

СООБЩНИЦЫ ИЗОБЛИЧЕНЫ

Но самое главное, что удивило судебного следователя и что положительно потрясло генерала — это обнаружение в кармане у англичанки золотых часов и цепочки... Тех самых фамильных часов, которые зимой были украдены из квартиры Чибисовых в числе прочих драгоценностей.

Разве мог кто-нибудь предполагать тогда причастность к краже этой восхитительной, всеми любимой очаровательной девушки?

Она так искренне возмущалась тогда дерзостью вора, она так старалась помочь следователю, она была так далека от всяких подозрений: ни она никого не подозревала, ни ее никто не мог подозревать!

И вдруг...

Значит, ей известна и судьба остальных вещей...

Быть может, она в заговоре с кем-нибудь.

Неужели она сумела бы похитить все сама единолично?

Нет, генерал отказывается верить ушам, глазам, логике.

А следователь развертывает перед ним картину такую стройную и вероятную: по его мнению, этот Грондэ (судя по карточкам, найденным у него в бумажнике), его любовница, в ридикюле которой найдена солидная сумма золотом, и Эмма Коутс — сообщники.

Генерал потрясен.

Он взял слово со следователя, что он не намекнет даже генеральше, девочкам и сыну об его подозрениях.

Глава двадцатая

ГЕНЕРАЛ И АВАНТЮРИСТКИ

Генерал решил наблюдать за этими двумя красавицами-авантюристками лично.

Если они действительно авантюристки, в каком положении сейчас дача!..

Очнувшись, придя в себя, Эмма ни разу не спросила о судьбе часов, найденных у нее в кармане.

Она словно забыла об их существовании.

«Очевидно, она боится спросить о них?» — с тоской подумал генерал.

Задавать ей какие бы то ни было вопросы еще рано.

Между собой девушки не обнаруживают никакой близости.

Словно видят друг друга в первый раз.

Тина в самом деле не понимает ровно ничего.

Каким образом она очутилась в этой нарядной, богатой санатории?

Очевидно, после крушения ее поместил сюда Грондэ.

Очевидно, он заплатил за ухаживанье за ней хорошие деньги: все так предупредительны и внимательны к ней.

В душные, больные бессонные ночи она мучительно силится вспомнить все подробности роковой поездки:

— Овладел он мною в автомобиле или не успел?..

И не может вспомнить...

То ей вдруг представится, что растворилась дверь и входит... Василий.

Она бросается к нему на шею:

— Вася! Где ты был! я измучилась без тебя!

А он отстраняет ее холодно и сухо:

— Молчи, проклятая!.. Разве ты не знаешь, что Грондэ и Пржездецкий — одно лицо... Молчи — любовница Пржездецкого!..

— Вася! Послушай! Я не виновата!

Она рыдает, уткнувшись в подушку, а сестра милосердия ее утешает:

— Тише, милая, вы разбудите мисс Эмму...

— Какую мисс Эмму?!..

Иногда Тине казалось, что растворяется дверь и входит Грондэ.

И ей радостно, что он вошел — такой интересный, элегантный, богатый, — и радостно, и страшно.

— Вон, вон!.. Я не прощу вам!.. Я крикну Василия!..

А Грондэ так покорительно смотрит на нее:

— Несчастная! Разве ты не знаешь, что твой Василий покинул тебя...

— Вася! Милый Вася! Где ты!..

И она рыдает, уткнувшись в горячую подушку пылающей головой.

Ей кладут на лоб мешки со льдом.

В бреду без счета повторяет имя Пржездецкого, и все слышат это.

Она на время приходит в себя.

Однажды сквозь сон она слышала, как в ее комнате вполголоса разговаривали:

— Вы читали, генерал, об аресте Пржездецкого в Петрограде?

— Странная история. Я был уверен, что он обокрал меня и бежал за границу!..

— Он в тюрьме...

— Значит, действительно, мы с Топилиным ошибались, когда думали, что эта кража — дело рук Пржездецкого...

— Кстати, курьез... Дама Пржездецкого при аресте назвалась... женой Топилина...

— А где, в самом деле, Топилин?

Тина выскочила в одной рубашке:

— Где Топилин?! Где Вася?!..

И забилась в истерику.

Одно для нее стало ясным:

— Пржездецкий и Грондэ — не одно лицо!..

Она с тоской зывала:

— Вася! Вася!

А где-то носилась радость:
— Грондэ солгал... Грондэ пошутил! А может быть, это был кошмар...
Днем Тине было легче.
Она бродила по саду и ждала.
Кого?
Конечно, Василия...
А может быть, Грондэ.
Порой ей казалось, что там, в автомобиле, еще ничего не было.
А порой... порой поцелуи Грондэ жгли ее больные обескровленные губы.
Этот гимназист, Витя, все чаще и дольше засматривался на нее.
Ей это льстило.
Она чувствовала, что в душе мальчика совершается перелом.
Она угадывала, что он был все время влюблен вот в эту милую англичанку, а теперь потерял почву, колеблется; неотразимо влечет его к Тине, обе влекут: одна загадочная, а другая разгаданная...

Глава двадцать первая

ЛЮБОВЬ МАЛЬЧИКА

Эмма — женщина.
Геройский поступок Виктора тронул ее. Она знает, почему он стрелял, почему стрелялся, почему в кармане носил записку:
— «В смерти моей прошу никого не винить».
Но не могла же она винить себя!
Разве она виновата, что у нее уже есть жених?
— Джон! Милый Джон! Виктор спас меня для тебя!..

Ей так захотелось бежать поскорее в Англию, потому что в Польше она не ручается за себя.

Этот гимназист так трогателен.

Положим он еще мальчик... Но уже герой.

И так настойчив... И так трогателен, молчалив...

И верен ей, несмотря на то, что знает, как бесполезны, тщетны его вздохи и домогания.

Верен!.. да, да верен, хотя за последние дни и засматривается на эту польку...

Да, да, засматривается... Вот и сейчас поверх клумбы с левкоями жадно, стыдливо и жадно впился в лихорадочные глаза Тины.

— Неужели мой мальчик мне изменил!

И вдруг что-то оборвалось в сердце Эммы.

Она поняла, как этот мальчик дорог, как всегда был дорог ей...

— Нет, нет, ни за что не уступлю его польке. Я вижу, как она кокетничает с ним. Разве не для него она спустила отворот тюлевой рубашки...

Вообще, для кого же она так франтит... Ворвалась в чужой дом и ведет себя как победительница.

В душе Виктора, действительно, рос разлад.

Откуда появилась эта изумительной красоты девушка?

Он отчетливо помнил, что видел раньше, и во сне и наяву, это небесное личико.

Он старался вспомнить и не мог, при каких обстоятельствах.

А обстоятельства очень простые: товарищ Виктора, Казя Суцевский, зимой приносил в класс целую коллекцию открытых писем с изображением артисток варшавских театров.

Виктор долго рассматривал их, и больше всех ему понравилась карточка Тины.

Он не запомнил ее имени и фамилии, но черты лица, в особенности глаза, впились ему в память.

Сейчас он не может оторваться от них.

Ах, как хорошо ему здесь среди стольких милых: милая Эмма, милая Тина, милая мама... папа... сестрички...

Неужели он не выживет!

Генеральша не давала себе отчета в окружающем: дни ее были сочтены.

Зато генерал мучился за всех.

Предательские золотые часы давили его совесть, как пу-
довые гири.

А следователь вел свою линию.

Преступное сообщничество этих лиц казалось ему таким
ясным.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТАЙНА ДЬЯВОЛИЦЫ

Глава первая

СМЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Автор оставил героев этого романа в самом плачевном положении.

Большая часть из них совершенно безвинно томится в тюрьме.

В чем виновата бедная Лидия Львовна?

Только в том, что, не желая протоколов и огласки, не дала знать полиции о злополучной посылке и попыталась скрыть ее, сбывая с рук домашними средствами.

Но разве девять десятых из вас, *mesdames*, не попытались бы проделать что-нибудь вроде того, что проделала она?

Правда, вследствие своей неловкости, она чуть было не подвела под скверную историю извозчика.

Но, даю вам честное слово автора, она вовсе не подумала об этом:

— Извозчик скажет, что какая-то дама забыла у него этот ящик. И начнут искать эту даму... При чем же тут извозчик? Извозчик сам виноват, что хотел украсть забытую у него «покупку».

Автор действительно, чересчур сурово отнесся к Лидии Львовне.

Правда, у него были на это свои соображения.

Так, между прочим, он осуждает ее отношения к мужу.

Ну с какой стати она отдалась этому фату Теремовскому?

Правда, и тут у мадам Невзоровой есть серьезное возражение: она отдалась адвокату не добровольно.

Он воспользовался ее слабостью, напоил ее и воздействовал на ее потрясенную происшествием психику.

Девять десятых дам не устояли бы, очутившись в тех условиях, в которые автор поставил беззащитную соломенную вдовушку.

Разве не искренне раскаялась она, твердя: «я убила мужа».

Разве не терпеливо перенесла она такое испытание, как разлука с горячо любимыми детьми, безвестное и бессовестное отсутствие мужа и это сознание ничтожности в герое ее романа — Теремовском?

Автор может засвидетельствовать, что Лидия Львовна держала себя, как настоящая героиня. Как настоящая героиня романа, она получила возмездие свыше меры содеянного и за преступление вовсе не уголовного характера (измена мужу под влиянием аффекта).

Свыше меры содеянного потерпел наказание и прис. пов. Теремовский.

Ну за что, в самом деле, он посажен автором в тюрьму?

За то, что, воспользовавшись исключительно благоприятными обстоятельствами, чуточку подпоил жену друга своего и овладел ею...

Но, во-первых, он давно и страстно был влюблен в нее, во-вторых, Лидия Львовна сама в тот вечер вела себя вызывающе...

Ну разве девять десятых мужчин утерпели бы, очутившись в положении, близком к его положению!

Да разве сам автор, очутившись на месте Теремовского, повел бы себя иначе!

Быть может, он спросил бы в отдельном кабинете вино не той марки, какую спросил Теремовский, но в марке любви и он бы не дал спуску!

Скажут:

— Ну и дружба!

Но ведь еще со времен Шекспира это-то и считается чуть ли не самым убедительным доказательством дружбы!

«Будь другом мужу и верным его жене!» — гласит китайская пословица.

Да, наконец, сам-то Петр Николаевич Невзоров хорош!

Стоит ли за такого заступаться, когда он, едва попал в Варшаву, позабыл и о жене, и о детях и дал повиснуть у себя на шее тоже жене друга — Топиловой!

Правда, Мария Александровна Топилина сама кинулась на шею Невзорову, чтобы наказать мужа, открыто изменившего ей с Тиной.

Но все-таки со стороны автора было большой жестокостью наказывать Теремовского именно тюремным заключением.

Автор не имеет основания быть недовольным и Теремовским: в тюрьме он вел себя джентльменом: старался выгородить Лидию Львовну и, если в самом деле своими выгораживаниями только еще больше запутывал Лидию Львовну в эту скверную историю, так в этом виноват автор, так неудачно подтасовавший обстоятельства.

Глава вторая

КТО ИГРАЛ В РУКУ СУДЕБНОМУ СЛЕДОВАТЕЛЮ?

Автор вообще взял себе за правило играть в руку судебному следователю.

За что, например, попали в тюрьму Петр Николаевич Невзоров и Марья Александровна Топилина, — веселая, радостная парочка?

Только за то, что Невзоров выдал Марью Александровну за свою законную жену.

Но разве мало кто из нас своих незаконных жен выдает за законных!

Не хватило бы тюрем, чтобы сажать всех таких преступников!

И как ведь коварно, играя опять-таки в руку полиции, автор заставил Петра Николаевича в самую критическую минуту назвать номер телефона 717-17, — номер... Теремовского!..

Коварна со стороны автора и ссылка на Пржездецкого:

Топилин по долгу журналиста принимал все меры, чтобы засадить Пржездецкого в тюрьму и... его жена засажена в тюрьму под видом жены Пржездецкого.

Это ужасно! Конечно, автор хотел наказать и ее за измену мужу?

Но Василий Топилин сам ведь смотрит на институт брака, как на институт, который давно пора сдать в брак!

После скандала в участке он тоже попал в тюрьму и томится там совершенно безвинно.

Там он встретился с... Манькой-Ковбойкой.

Бедную девушку, перенесшую такое потрясение, надо было бы лечить, а ее томят в одиночной тюрьме.

То, что испытала она, не приходится испытывать каждый день: она оказалась в чужом гробу с чужой мертвой головой в ногах.

— Брр!..

Автору даже вспомнить этот ультрауголовный эпизод неприятно!

И между тем, автор снимает с себя ответственность и за него!

Виноват во всем Неберучев. Ах, уж эти инженеры. Вот кого автор должен был бы посадить в тюрьму!

Почему не сделал этого? Неужели только потому, что инженеры вышли из моды?

.
.
.
.
.
.
.

Поставщика Дормидонтова, этого старого ветхого добродушного старца, автор не только безжалостно уморил, но даже надругался над прахом его, положив в его гроб Маньку-Ковбойку!

Автор коварно поступил с этой легкомысленной, но милой особой, заставив ее принять в презент перстень Дормидонтова.

В глазах судебного следователя такая косвенная улика указала прямую дорогу в тюрьму!

В сущности говоря, во всем романе ни один герой не совершает ни одного преступления, но все запутались в сети «косвенных улик» и очутились в тюрьме!

Так дело обстояло в Петрограде.

В Варшаве — не лучше.

В одно прекрасное утро очаровательная Тина и Эмма очутились, по воле судебного следователя, в тюрьме!

В тюрьму же был посажен и Грондэ-Пржездецкий.

Последнего, действительно, давно надо было посадить в тюрьму, потому что это именно он и его товарищ-шофер ограбили зимой квартиру генерала Чибисова.

Автор безжалостно подсунул в карман англичанке Эммы Коутс часть самых ценных из этих вещей.

Часть вещей будто бы очутилась в ридикюле Тины, хотя читатели этого не заметили из романа.

Эти «косвенные улики» запутали девушек и их посадили в Варшавскую тюрьму.

Остальные варшавские герои этого романа продолжают лежать на одре болезни.

Не может оправиться сам генерал, его супруга и милый мальчик Виктор.

Глава третья

ЖЕСТОКИЙ КОНЕЦ

Автору особенно жаль этого подающего надежды гимназиста.

Безнадежно полюбить одну девушку — уже громадное

несчастье, которое впору самому взрослому бородатому мужу, но безнадежно полюбить двух! — о, это такой ужас, перед которым муки дантова ада кажутся бирюльками!

Между тем, Виктор очутился в этом аду любви как раз в то время, когда душевное спокойствие его организму было всего необходимее.

Он боролся между жизнью и смертью, и между Эммой и Тиной.

Автору чрезвычайно неприятно, что в силу сцепления непредвиденных обстоятельств пострадавшим в этой истории является милый хрупкий мальчик.

Автор не может не сознаться, что у него был большой соблазн покончить с романом этого мальчика и романами варшавских героинь одним эффектным, но в высшей степени жестоким концом.

Он хотел довести до сумасшествия Тину, мятущуюся в страстевороте тоски по Василию и Грондэ, и заставить ее в припадке безумия поджечь дачу Чибисовых.

Как уголовному романисту это было бы автору очень на руку: ведь в романе есть и убийства, и самоубийства, и грабежи (тачечник, «Пржездецкий»), и подлоги (Пржездецкий живет по подложному паспорту), и осквернение трупа, и разные другие уголовные деяния (например, поступок Ландезена с мертвой ногой) и искалечение младенца крышкой гроба Дормидонтова (автор отдал ногу мальчику прачки; пришлось ведь ногу отрезать!), — не было только поджога!..

Глава четвертая

КРОВОСМЕШЕНИЕ И ПОДЖОГ

Конечно, могут упрекнуть роман в отсутствии в нем кровосмесительных тем.

Но автор не так воспитан, чтобы касаться столь неприличных тем.

Он знает, что его роман с удовольствием будет читаться в долгие зимние вечера в кругу самых добродетельных семей.

Он мог бы бросить детей Невзорова, в особенности девочку, в руки какого-нибудь мерещковствующего дяди.

Но такт и желание не выходить из границ семейных идеалов заставили автора отослать девочку не к сатиру-дяде, а к весьма почтенной и добродетельной вдове-тетке.

Поджог и вообще пожар, конечно, не был бы лишним в вышеозначенном романе, — в огне эффектно мог бы сгореть и Виктор, и генерал, и генеральша, и Тина, и Эмма, и вообще весь Чибисовский лазарет, за исключением, конечно, милых девочек, которых мог бы спасти какой-нибудь дачник — князь, или граф, или барон, или сын банкира, или даже, в крайнем случае, пожарный, впоследствии получающий большое наследство, — и сочетаться с одной из спасенных девочек законным браком.

Другая девочка могла бы пойти в монастырь или поступить в знаменитые кинематографические артистки.

Поджог можно было бы поручить и Эмме; никому не показалось бы странным, что она, узнав, в чем ее подозревают и не имея возможности оправдаться, сошла с ума и подожгла дом своих бывших благодетелей.

В белой ночной сорочке, с развевающимися батистовыми рукавами, вся освещенная пламенем, Эмма Коутс была бы не менее эффектна, чем Тина Тинелли!

Ах, да... В момент пожара мог бы появиться отпущенный на свободу Василий Топилин и проявить чудеса неустрашимости.

Он мог бы, думая, что спасает Тину, спасти Эмму, моментально влюбиться в нее и жениться по-военному в 24 часа.

Многими эффектными приключениями мог бы еще усладить свой роман автор, но полагает, что достаточно и вышеперечисленных для того, чтобы произведение его было прочитано с пользой и удовольствием всякими любителя-

ми, а в особенности любительницами уголовно-наказуемой литературы.

Много эффектных и в высшей степени литературно написанных окончаний мог бы придумать к своему роману автор.

Например, у него уже набросан был в записной книжке такой конец:

«Она лежала в гробу, как живая».

«Он застыл над ней, словно мертвый».

«Мы стояли кругом ни живы, ни мертвы».

Великолепное окончание романа, — лапидарное и масса настроения, — свинцовая драма повисла и давит.

Но мне кажется, что главное достоинство уголовного романа не в том, чтобы он оканчивался мрачными эффектными аккордами, а напротив, в том, чтобы после всяческих уголовно-наказуемых и уголовно-ненаказуемых пердряг все герои романа пришли к полному благополучию.

Окончание во что бы то ни стало должно быть благополучным.

И оно будет благополучным, во что бы то ни стало.

Глава пятая

АМНИСТИЯ

Слушайте, слушайте!

«Я, нижеподписавшийся автор, находясь в здравом уме и твердой памяти, довожу до сведения всех своих читателей без различия пола, возраста, национальности и вероисповедания, что силою дарованной мне свыше, как автору, власти, объявляю полную амнистию находящимся в одиночном заключении петроградской одиночной тюрьмы: дворянам Петру и Лидии Невзоровым, Василию и Марии Топилиным, прис. повер. Теремовскому, крестьянке Марии Ива-

новой; находящимся в варшавском арестном доме: мещанке Эрнестине Ружейц (по сцене Тине Тинелли), английской подданной Эмме Коутс, французскому подданному Анри Грондэ. Кроме того, дарую полное исцеление от всех душевных и телесных недугов дворянам д. с. с. Ивану Чибисову, супруге его Анне Чибисовой, не имеющему чина Виктору Чибисову, не имеющему имени сыну прачки. Что же касается до глаз французского подданного Анри Грондэ*, то они полному восстановлению не подлежат (так сказать, приобщены к делу), ибо карающая рука Немезиды требует все-таки жертвы».

Собственно говоря, на этом манифесте роман можно было бы и кончить.

Но автор, столько же добросовестный, сколько и интеллигентный человек, полагает, что название романа «Дьяволица» его кое-чему все-таки обязывает.

В самом деле: почему роман назван «Дьяволицей», когда в нем не фигурирует ничего подобного?

Глава шестая

ДЬЯВОЛИЦА И БЕРТА БЕРС

Необходимые разъяснения автор, конечно, дать не прочь.

Роман назван «Дьяволица» потому, что это заглавие весьма подходит к уголовному роману. В уголовном же романе заглавие — половина успеха!

Взяв такое многообещающее заглавие, автор, конечно, мог бы хоть на минуту вывести на сцену особу, носящую такое эффектное прозвище.

* Мы-то с вами, читатель, знаем, что это не Грондэ, а Пржездецкий (Прим. авт.).

Но, щадя нервы читателей, и без того взвинченные неимоверно быстро проносящимся ураганом самых неожиданных и хитросплетенных уголовных происшествий, он не решился испытывать их долготерпение лицезрением того исчадия ада, которому принадлежит эта кличка.

Достаточно сказать только, что безобразная старая дева, рассылавшая по городу таковые и иные части убитых ею в припадках эротического помешательства мужчин, в настоящее время находится в отделении буйных психиатрической лечебницы Св. Пантелеймона.

Она сама себя называет Дьяволицей и в каждом мужчине видит жертву, обреченную ей на заклятие.

На днях она набросилась на главного доктора больницы, мечтая его зарезать, разрезать и разослать по адрес-календарю «Весь Петроград», но, к счастью, сиделки вовремя схватили ее за руки и тем спасли доктора от смерти, а мир от нового чрезвычайно уголовного романа, подобного тому, который автор только что сейчас закончил.

Впрочем, другой роман того же автора — «Берта Берс» — по своей чрезвычайной уголовности ничуть не уступает «Дьяволице».

Вот почему автор льстит себя надеждой еще встретиться с читателями этой книги, чтобы совместно следить за подвигами очаровательной авантюристки, которую тоже по справедливости можно было бы назвать Дьяволицей.

ОБ АВТОРЕ

Николай Георгиевич Шебуев – автор замечательных романов-пародий «Дьяволица» и «Берта Берс» – родился в 1874 г. в семье профессора математики. Он окончил юридический факультет Казанского университета и с 18 лет начал печататься.

Уже в 1892-95 гг. вышли стихотворные сборники Шебуева «Бенгальские огоньки» и «Веселые мелодии». С тех пор произведения его шли неостановимым потоком: Шебуев публиковал фельетоны и сатирические рассказы и стихотворения, драматические сочинения, юмористические календари, составлял альманахи и театральные справочники, выпускал небольшие монографии о кумирах начала века: А. Чехове, М. Горьком, Ф. Шаляпине, О. Бердслее. Печатался под десятками псевдонимов – «Граф Бенгальский», «Маркиз Санкюлот», «Петя Таксебешин», «Энге» и т.д.

В 1905-1906 гг. несколькими выпусками было опубликовано первое собрание сочинений Шебуева. В эти годы Шебуев издавал популярный и остро-сатирический журнал «Пулемет», резко критиковавший царское правительство. В первом (и немедленно конфискованном) номере «Пулемета», вышедшем в ноябре 1905 г., была напечатана самая знаменитая карикатура эпохи «Первой русской революции» – текст октябрьского манифеста Николая II с отпечатком кровавой пятерни и подписью: «К сему листу свиты его величества генерал-майор Трепов руку приложил».

За «оскорбление Величества» и «дерзостное неуважение к верховной власти» Шебуев был приговорен к годичному заключению в крепости, но и в одиночном заключении продолжал работать над журналом, тексты для которого писал сам.

Выйдя на свободу, Шебуев начал издавать собственную «Газету Шебуева» (1907-1908) гг., а с 1908 по 1914 г. издавал, с перерывом, журнал «Весна».

«Несколько десятков авторов в номере, несколько сот стихотворений» – вспоминал Г. Иванов. «Идея, пришедшая Шебуеву, была не лишена остроумия – объединить графоманов. Из тысяч “непризнанных талантов”, во все времена осаждающих редакцию, Шебуев без труда выбирал стихи, которые можно было печатать без особого “позора”. Естественно, журнал “пошел”. Поэты, которых он печатал, подписывались на журнал, распространяли его и раскупали десятки номеров “про запас”. Другие, менее счастливые, тоже подписывались, не теряя надежды быть напечатанными по “исправлению погрешностей размера и рифмы”, как им советовал “Почтовый ящик «Весны»”. Самые неопытные и робкие, не мечтающие еще о “самостоятельном выступлении”, – таких тоже было много – раскупали “Весну” в свою очередь. Для них главный интерес сосредоточивался на отделе “Как писать стихи”. Вел его, понятно, сам Шебуев. Под его руководством восторженные и терпеливые ученики перелагали “Чуден Днепр при тихой погоде” последовательно в ямб, хорей, дактиль, потом в рондо, газеллу, сонет. Все это печаталось, обсуждалось, премировалось, и число “наших друзей-подписчиков” неуклонно росло. Анкеты “Весны” о “Нагоде в искусстве” и т. п. тоже привлекали многих. Набор и скверная бумага стоили недорого, гонорара, конечно, никому не полагалось.

Но вряд ли Шебуевым руководил денежный расчет. Я думаю, он ничуть не притворялся, изливаясь на страницах “Весны”, как дорога ему пестрая аудитория его “весенних” (так он их звал) поэтов и художников. Стоило поглядеть на его фигуру в рыжем пальто и цилиндре, на его квартиру, полную ужасных “Nu” и японских жардиньерок, прочесть какую-нибудь его “поэму в прозе” или выслушать из его уст очередную сентенцию о “красоте порока”, чтобы понять, что в этом море пошлости и графомании он не самозванец, а законный суверен».

Впрочем, публиковались в журнале Шебуева и маститые авторы (А. Аверченко, Л. Андреев, К. Бальмонт, Н. Гумилев, А. Куприн и др.). Примечателен журнал и той ролью, которую он сыграл в истории русского литературного авангарда: некоторое время в

«Весне» редакторствовал В. Каменский, здесь впервые начали печататься футуристы (Каменский, И. Северянин, В. Хлебников, Н. Асеев).

После революции 1917 г. Шебуев, до закрытия издания, работал в газете «Петроградский листок». Неуемная энергия не изменила ему и в советские годы: он редактировал периодические издания, выпустил несколько поэтических книг («Троица», «Гладиатор», «Первый крик» и др.), мемуары об издании «Пулемета», писал о детских рисунках («Детские глаза», 1922), составлял альманахи «безбожников» («Москва безбожная», 1930). О быте Шебуева в 1920-е гг. вспоминает Э. Миндлин:

«...Шебуев редактировал то один, то другой новый журнал. Издательство “Книгопечатник” пригласило Шебуева редактировать большой и довольно толстый еженедельник “Всемирная иллюстрация”. Этот журнал продержался дольше других. Редакция помещалась в Китай-городе в здании у белой Китайгородской стены, ныне не существующей. Но Шебуев предпочитал принимать авторов у себя дома и о редакционных делах разговаривал с ними за чашкой чая с лимоном.

“С лимоном”, как он говорил, неизменно и упрямо произнося вместо “лимон” – цитрон.

Квартиры Шебуева бывали всегда в самых неожиданных местах. Жил он с молоденькой женой и ребенком и в одной из бывших келий Новодевичьего монастыря и здесь же в келье принимал авторов, монтировал иллюстрации. Но, пожалуй, самым удивительным жилищем Шебуева была комната с окнами в Московский ботанический сад. Если авторы заставляли Николая Георгиевича занятым срочным делом, он предлагал им, пока освободится, погулять в Ботаническом саду.

– А вы, батенька, лезьте в окно и походите себе по саду. У нас в Ботаническом саду хорошо. Не стесняйтесь, батенька, лезьте.

Автор, пришедший не вовремя, лез через окно в Ботанический сад и гулял, дожидаясь Шебуева. А то, бывало, когда предстоял более или менее обстоятельный с автором разговор, Николай Георгиевич предлагал:

– Батенька, что нам с вами в четырех стенах сидеть? Поговорим на свежем воздухе. – И первым, несмотря на грузность и на стариковские свои годы, садился на подоконник, перебрасывал ноги и прыгал на дорожку Ботанического сада – благо жил в первом этаже старого дома.

К этому времени облик Шебуева изменился. Он уже не носил котелка песочного цвета – голову покрывал шелковой черной

ермолкой, какие носят старые академики, а пиджачную пару и парижские галстуки сменил на длинную, почти до колен, толстовку какого-то пыльного серого цвета. Но золотое пенсне с длинным, по грудь, шнурком по-прежнему поблескивало и поддрагивало на его маленьком тонком носу».

Н. Г. Шебуев умер в феврале 1937 г. и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Роман «Дьяволица», безжалостно пародирующий штампы расплодившихся в конце XIX – начале XX вв. «уголовных романов», причем именно русских, часто беспомощных сочинений – был впервые опубликован в 1914 г. на страницах «Синего журнала». При всей язвительности своего «чрезвычайно уголовного романа» Шебуев, профессиональный сатирик и юморист, хорошо понимал секрет хорошей пародии, для которой одной насмешки недостаточно – и потому дал читателям образчик вполне захватывающего и увлекательного «бульварного чтения».

В последних строках книги автор пообещал новый роман о «подвигах очаровательной авантюристки» Берты Берс, «по своей чрезвычайной уголовности» ничуть не уступающий «Дьяволице». Свое обещание Шебуев сдержал – но, очевидно, война внесла свои коррективы, и «Берта Берс» стала пародией на романы шпионские (и заодно «гипнотические»).

Оба романа вошли в изданное М. И. Семеновым в Петрограде в 1915 г. шеститомное собрание сочинений Шебуева. В двухтомнике, выпущенном издательством Salamandra P.V.V. ровно сто лет спустя, тексты публикуются по этому изданию с исправлением очевидных опечаток, а также ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

А. Шерман

Оглавление

<i>Часть первая.</i> Тайна свинцового гроба	6
<i>Часть вторая.</i> Тайна генеральской дачи	93
<i>Часть третья.</i> Тайна дьяволицы	124
<i>А. Шерман.</i> Об авторе	117

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.